

18+

ЕКАТЕРИНА ГОНЧАРОВА

Земля ХХІІІ: Нордполис

КНИГА ПЕРВАЯ

Екатерина Гончарова
Земля XXIII: Нордполис.
Книга первая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63988667
ISBN 9785005324467*

Аннотация

Земля, XXIII столетие. 95% населения планеты осталось под водами Мирового океана в результате потопа. Остальные 5%, находящиеся в горной местности, выжили. Не одна сотня лет ушла на отстройку новых городов. В каждом формируется свой социум. Действие книги «Земля XXIII» начинается в Нордполисе, где обычная девушка в день Выпускного узнает о себе правду. Ведь она – Homo Sapience Indigo, и теперь ей предстоит выбор: принять на себя бремя власти или уйти из Нордполиса за другом детства.

Содержание

Земля XXIII	5
Глава 1. Нордполис	6
Глава 2. Игра	21
Глава 3. Выпускной	40
Глава 4. Правление	52
Глава 5. Решение	66
Глава 6. За Пределом	78
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Земля XXIII: Нордполис

Книга первая

Екатерина Гончарова

© Екатерина Гончарова, 2025

ISBN 978-5-0053-2446-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Земля XXIII

Нордполис

*Между цивилизованным обществом
и самой кровавой тиранией нет, в сущности,
ничего, кроме тончайшего слоя условностей.*
Олдос Хаксли

Глава 1. Нордполис

Через три дня Выпускной. Я немного боюсь этого события. Велика вероятность того, что я окажусь генетически неполноценной, и меня выгонят за Предел. Мой двоюродный братец Рэкс два года назад покинул Нордполис, точнее, его вышвырнули, не дав попрощаться с родителями. Мой дядя Дэниел двадцать лет назад тоже пополнил ряды изгоев. Так что это у нас семейное.

Если меня когда-нибудь поставят к стенке, наведут в голову дуло пистолета и спросят: «Смерть или изгнание?», я выберу смерть, потому что я не представляю своей жизни без Нордполиса. Последние несколько недель эта мысль преобладает над всеми остальными в моей голове. С виду я всё та же Виктория: хожу на уроки, смеюсь с подругами и друзьями, по-прежнему приглаживаю свои непослушные, торчащие во все стороны рыжие волосы, и пытаюсь вывести веснушки лимонной кислотой. Но внутри сидит страх.

Выпускной – главный праздник в жизни каждого человека, но я боюсь, что он превратится в мой личный кошмар. За Пределом есть специальная резервация для изгоев. Всем известно, что там живет просто ужасно. У изгоев нет четырехразового питания и качественной одежды, как у нас. У них царит хаос. По телевизору не так давно показывали репортаж про резервацию. Изгои одеты в рваную нищен-

скую одежду, волосы их скомканы и засалены, а питаются они со свалки Нордполиса. Мне было мерзко смотреть на эту картину, и я решила, что лучше умру, чем когда-нибудь буду жить там. Самая маленькая и случайная мысль об изгнании ввергает меня в панику. Дыхание учащается, на носу выступают бисеринки пота, а зрачки, окруженные ярко-зеленой радужкой, становятся широкими, как два блюдца. Даже Макс заметил, что со мной что-то не так. Он смотрит на меня в такие моменты и спрашивает: «С тобой всё нормально?» Я говорю, что да.

Негласно мы с Максом самые успешные ученики в группе. Среди наших учителей не принято выделять кого-то из ребят, чрезмерно хвалить или сравнивать детей вслух, формально все равны. Но одноклассники все равно видят, кто раньше справляется с заданиями, кто гибче и быстрее мыслит, кто четко и логично отвечает на вопросы. Мы с Максом – лидеры в учебе, и есть между нами особая странная связь. Может быть, вы даже встречали людей, которых понимаешь, как себя, с которыми не нужно лишних слов. Макс такой. И еще он очень умный и, надо отдать должное, красивый. У него густые волосы цвета антрацита, бронзовая кожа и ослепительно белые зубы. У него очень вдумчивый взгляд и красивый цвет радужки – медовый. Это довольно необычное сочетание оттенков, впрочем, и я со своей рыжей гривой недалеко ушла. Правление предоставляет нам шанс найти себе пару по любви до двадцати трех лет. Иначе потом со-

язы формируются в случайном порядке с помощью специального рандомизатора. Моих родителей свел рандомизатор, и, похоже, что они вполне счастливы друг с другом. До Выпускного у нас не принято думать и разговаривать о браке, но иногда я думаю. Я бы выбрала Макса.

Сегодня я чуть не опоздала в школу. С утра разговорилась с отцом. Мама ушла на работу чуть раньше, и мы с ним завтракали вдвоем. Мне совсем не хотелось есть из-за мыслей о Выпускном, и я просто ковыряла ложкой питательную субстанцию со вкусом злаков.

– Вики, что тебя тревожит? – отец всматривался в мое лицо, как в какие-то китайские иероглифы.

– Ничего, пап, не волнуйся.

– Говори!

– Пап, как ты проходил тест на профпригодность?

– Да ничего особенного! – он махнул рукой, – просто честно отвечай на вопросы. Тестирование выявит твои склонности и темперамент, а потом на основании ответов тебе определяют профессию. Ну и кровь на анализ возьмут, ничего страшного, будто комарик укусит.

Ничего нового для себя я не узнала, конечно, но всё же положила ложку в рот. До обеда еще далеко, а сидеть голодной на уроках мне не хотелось.

– Ты волнуешься? – спросил меня папа.

– Да... очень! Я не хочу в резервацию, – выдохнула я всю свою тревогу, – Там оказываются ни к чему не годные люди.

– Так говорят по телевизору, но... Рэкс был вполне способным пареньком, и я ума не приложу, почему его забраковали, разве что из-за проблем со щитовидной железой. Твой дядя Дэн с маминой стороны тоже был умным парнем, и я горевал, когда его забрали.

– А как забирают, пап?

– Ох, Вики, это всегда происходит очень неожиданно для всех. Человека просто забирают, и потом от него нет никаких вестей.

Да уж, папа умеет поддержать в трудной ситуации. Но всё же я была ему благодарна. Он хотя бы попытался меня успокоить. Однако когда мой взгляд упал на часы, тревоги по поводу Выпускного ушли на задний план. Я опаздываю в школу! Я молниеносно чмокнула отца в щеку и, схватив сумку с ноутбуком, побежала к станции метро.

Пока я ехала на школьном поезде, то опять начала думать о том, что скоро детская жизнь закончится. От этого мне стало грустно. После Выпускного я не увижу больше подруг, Анжелу и Анну, и мы больше не будем сидеть за одной партой с Максом. Дело в том, что у нас нет никакой техники для связи друг с другом кроме учебных ноутбуков, но после Выпускного их забирает школа. После праздника мы отправимся по разным рабочим местам и увидимся только, если сработает теория вероятности, что... маловероятно.

К счастью, на уроки я успела вовремя. Когда я влетела в класс и плюхнулась за парту рядом с Максом, до звонка

оставалось еще пять минут.

– Опять опаздываешь, Рыжик?

Терпеть не могу, когда он меня так называет. Я пригладила волосы пальцами, а потом достала из сумки лэптоп и прислонила его к разгоряченным щекам. От метро до школы тоже пришлось бежать, и сейчас у меня горело не только лицо, но и легкие.

– Привет, во-первых, – я повернулась к нему и слегка щелкнула его в лоб пальцами, – еще раз назовешь меня Рыжиком, я тебя в лесу закопаю во время Игры.

– Привет, Вики, – Макс засмеялся и взъерошил мне волосы, чем привел меня в крайнее возмущение. – Надеюсь, ты выучила урок и готова рассказать о роли Правления в системе мироустройства Нордполиса?

– Ты же знаешь, я не готовлюсь к урокам, мне достаточно один раз послушать учителя, впрочем, как и тебе, – Я снова попыталась пригладить копну на голове. – Правление является высшим органом власти в Нордполисе. Оно выполняет координирующую, информационную, селективную и стабилизирующую функции, – слово в слово процитировала я нашего учителя.

– Даже как-то несправедливо, ты не думаешь? Ты на уроках всё запоминаешь, а кому-то приходится мучиться... – заговорчески прошептал Макс, показав взглядом на девушку, которая сидела в трех метрах от нас и зубрила материал параграфа, закрыв уши ладонями.

Макс внезапно стал серьезным.

– Через три дня у нас Выпускной, – констатировал он, – возможно, после этого мы даже никогда не встретимся с нашими друзьями, друг с другом.

– Макс, даже если у нас будут разные профессии, может, мы еще пересечемся в городе. Как говорится, Нордполис замкнут.

– Эх, Вики, я боюсь, что Правление выполнит свою селективную функцию, и я, а может быть, и ты, вылетим из Нордполиса через пару дней. Ты же понимаешь, что мы не совсем такие, как остальные? У нас лучше память и интеллект, – вполголоса сказал он мне.

Внезапно меня захлестнуло отчаяние.

– Что ты такое говоришь? Всем известно, что за Предел отправляются люди с генными мутациями, которые не могут дать здорового потомства! Умственные способности тут совершенно ни при чём! – яростно высказала я ему тоже шепотом.

– Очень сомневаюсь, – покачал головой Макс, – ты никогда не задумывалась, почему Правление проверяет геном только после Выпускного? Почему бы не сделать это в родильном отделении Медицинского центра?

Прозвенел звонок на обществознание. Учитель вошел в класс и постучал указкой по доске.

– Записываем число, – громко произнес он, – Третье мая 2275 года. Сегодня у нас с вами обязательная тема перед вы-

пуском – распределение по профессиям.

Я не успела ответить на вопросы Макса. Это же логично: наше Правление слишком великодушно, чтобы выкидывать за Предел младенцев. Даже люди с мутациями имеют право насладиться детством и обрести навыки, необходимые для выживания. Я слушала учителя и думала о том, что не хочу покидать Нордполис, прекрасную жизнь в нем.

Все здесь подчиняется расписанию, у всех есть стабильная работа, которую получает каждый житель после выпуска. Например, моя мама работает на швейной фабрике, а отец водит троллейбус. Распределение профессий осуществляется единственным органом власти в нашем городе – Правлением. Система распределения профессий довольно сложна, и зависит она как от наличия свободных рабочих мест, так и от способностей человека.

Некоторым везет, и их направляют трудиться в офисы: там они заполняют бумаги, в летнюю жару сидят под кондиционером и носят красивую униформу белого цвета с буквой О на шевроне. Другим везет намного меньше, и им приходится работать в шахте или на тяжелом производстве. Трудяги носят черные комбинезоны с вышитой золотой нитью буквой I. Работника из сферы услуг можно легко узнать по темно-синей униформе с литерой S. Все, кто связан с природой: садовники, лесники, охотоведы, – носят зеленые костюмы с шевроном N. Наши учителя и воспитатели одеваются в голубую униформу с буквой T на плече. До Выпускного

все парни и девушки носят желтую форму с буквой Р. Мы просто дети, которые посещают школу, учатся не только теоретическим наукам, но и практическим навыкам. К началу взрослой жизни каждый из нас знает основы всех профессий и полностью готов к самостоятельной жизни. Я не могу понять, чем же отличаются от нас изгои, ведь до Выпускного мы все воспитываемся одинаково, по учебной программе Правления. Мы смотрим один информационный канал, одинаково одеваемся. По инфоканалу говорят, что эти люди отбраковываются по биологическому признаку, у них отличается геном. А люди с нарушениями в ДНК не могут дать здорового потомства для Нордполиса.

Существует еще отдельная категория людей – правоохранители, они носят форму сигнально-оранжевого цвета и следят, чтобы в городе царил мир и порядок.

Я читала электронные книги о войнах и восстаниях, этих дичайших пережитках прошлого. Хорошо, что у нас такого нет и не будет. Нас с детства учат тому, насколько необходимо единство сограждан, насколько важна каждая из профессий. Ведь все мы винтики единого механизма, который будет работать точно, когда всё на своих местах. Я бы хотела работать на швейной фабрике, как мама. Об офисе я тоже подумываю, но каким бы ни было распределение, результат я приму с радостью. Лишь бы не изгнание.

В этот день мы с Максом почти не общались. Я злилась на него, сама не знаю почему, но чувствовала, что он прав.

Только к концу дня он подошел ко мне и напомнил, что завтра Игра. Домой я пошла пешком. Обычно я добираюсь на поезде по школьной ветке метро за пять минут, три остановки – и я на месте. Но своим ходом путь занял не меньше полутора часа. На улице уже темнело, но страшно мне не было. Времена, когда в переулке можно было встретить грабителя или насильника, остались в далеком прошлом, еще до глобальной катастрофы, когда на планете Земля было шесть материков. В 2055 году из-за потепления полностью растаяли льды Гренландии и Антарктиды. В старых, но крепких пластиковых файлах с документами, которые дошли до нашего поколения, говорилось, что температура атмосферы поднялась из-за высокого уровня индустриализации, накопления парниковых газов и разрушения озонового слоя. Конечно, случилось это не в одночасье. Тектоническая плита под Антарктидой, как пружина, поднималась вверх по мере ослабления давления льда, а плиты на месте Евразии и Северной Америки опускались. Наполненные газами полости внутри земной коры почти одновременно просели из-за сильного землетрясения по всей поверхности планеты, возникшего в результате движения тектонических плит. Сначала на материках затопило низины, из-за чего последовала серия техногенных катастроф, сопровождавшихся большими выбросами тепла. Хорошо, что люди успели остановить и законсервировать ядерные реакторы, иначе Земля бы сейчас напоминала пустыню. Учителя рассказывали

нам, что по прогнозам метеорологов, геологов и географов уровень океана должен был подняться в среднем на шестьдесят метров, максимум на сто, но всё было намного хуже. За несколько часов океан захлестнул огромные территории суши, в результате чего 95% населения не смогло эвакуироваться из своих жилищ. Так Земля избавилась от населяющих её людей. Лишь малая оставшаяся часть, которая предвидела ход развития событий, установила бункеры с едой и водой на возвышенностях. Мой город находится там, где раньше была Евразия, а точнее Гималаи и Тибет. Мы проходили историю и географию старого мира, и учитель показывал нам карту. Помню, как меня поразило огромное количество суши на той планете, до катастрофы. А еще я обратила внимание, что горы были не только в Евразии. Теоретически участки суши сейчас должны быть на месте Анд и Кордильер, а также в районе Эфиопского нагорья, где раньше была Африка, да и во многих других регионах планеты. После катаклизма было решено хранить остатки суши, как зеницу ока. В течение нескольких лет люди не покладая рук сажали новые хвойные и плодовые деревья, виноградники, много сил уходило на выращивание пищи для себя и корма для домашних животных. Огромную роль в восстановлении планеты сыграл океан. Он давал людям пищу и кислород. Уже через 120 лет Земля почти полностью излечилась. Уровень кислорода быстро повысился, так как потреблялось его намного меньше, чем вырабатывалось водорослями и расте-

ниями.

Сотня лет ушла на отстройку Нордполиса, ведь ресурсы добывали с огромным трудом. Сейчас наш город великолепен. Если посмотреть на него с высоты птичьего полета, можно заметить, что он похож на круглый лабиринт. Вот только блуждать нам не приходится. Через каждые пятьсот метров в бесконечных домах-стенах есть проходы, благодаря которым можно быстро проникнуть от периферии к центру и наоборот. Между домами всё засажено деревьями, так что днем сверху не видно ни одного человека. Воздух у нас в городе чистый и свежий. Все производства находятся на периферии и снабжены современными фильтрами очистки воздуха и воды, так что они никак не загрязняют окружающую среду. В центре находится площадь со Школой, Правлением и Медицинским центром. Под землей раскинулись шесть радиально расходящихся веток метро, отчего его иногда называют снежинкой. Я ни разу не видела снег, но думаю, это очень необычное зрелище, когда сверху на тебя падают замороженные частицы воды. Теперь снега не существует. Наши дома все похожи друг на друга: серо-красного цвета, с большими окнами от пола до потолка. Каждой семье полагается двухкомнатная квартира, независимо от того, есть дети или нет. Обстановка внутри очень простая: два стола, четыре стула, три кровати, несколько шкафов, телевизор и диван. Вся одежда у нас натуральная: зимние комбинезоны изготовлены из овечьей шерсти, летние – из хлопка. Мы не произ-

водим пластик, а тот, что прибывает к нашим берегам океан, мы собираем и делаем из него дорожные покрытия, подошвы для обуви, некоторые категории хозяйственных товаров.

Я шла по улицам и вдыхала потрясающий запах магнолий и цветущих каштанов, смотрела в окна и видела идеальные картины семейного быта. Пары с детьми и без детей ужинали за столом или, расположившись на диване, смотрели инфоканал по телевизору. Обычно в семьях Нордполиса по два ребенка. Правление контролирует рождаемость, и при заключении брака на семью выдается две лицензии на детей. После двух рожденных детей пары идут на добровольную стерилизацию. Нордполис замкнут, и мы не можем позволить себе перенаселение. Если по каким-то причинам пара не может родить детей, она должна отдать свои лицензии в другие семьи. Так что иногда парам, ещё не прошедшим стерилизацию, выпадает шанс родить третьего ребенка. Я единственный ребенок в семье. Я несколько раз пыталась узнать у родителей, почему так вышло, но в ответ не получала никакой вразумительной информации. Отец отмалчивался, мама отделялась общими фразами вроде: «Так получилось».

Я вспомнила, что завтра вечером у нас будет Игра. Нашу группу отвезут на тренировочный полигон на периферии, выдадут форму цвета хаки, компас, карту участка и световой пистолет, и мы будем сражаться с другой командой за кубок и приз. Кубок получает команда, а приз получает тот,

кто первым взял кубок в руки. Призы каждый раз менялись и представляли собой действительно нечто ценное. В прошлый раз кубок заполучил Макс. В качестве приза ему достался лазерный дальномер. Я безумно хотела получить приз и потому ежедневно тренировала себя в чтении карт и беге на десять километров. К сожалению, навыки стрельбы отрабатывать я не могла, оружие выдавали только во время Игры. Я не знаю, с кем мне придется сражаться плечом к плечу. Когда мы в одной команде с Максом, мы практически всегда побеждаем, а вот, когда оказываемся по разные стороны баррикад, тогда играть становится сложнее и интереснее, ведь мы знаем уловки друг друга и предвидим шаги.

В таких раздумьях я дошла до дома, а потом поднялась на третий этаж и вошла в квартиру. Родители были уже там, мама стелила на стол чистую скатерть.

– Что-то ты задержалась сегодня, – спокойно сказала она.

– Просто решила пройтись пешком, – пожалала я плечами.

Я прошла в ванную, умыла лицо и руки, и посмотрела в зеркало. Не считая веснушек, мне нравилась моя внешность: она была яркая и немного странная. В школе я заплела косу, а сейчас распустила ее и встряхнула головой. Рыжие волосы разметались по плечам, и шапкой пружинили на голове. Я попыталась прижать их ладонями, на время они повиновались, но стоило убрать руки, и они снова приподнялись.

– Ужинать! – послышался мамин зов с кухни.

Я прошла к пищепроводу и нажала большим пальцем на детектор отпечатка. Дверца отворилась, и я взяла поднос, на котором стояла тарелка с питательной кашей и стакан с витаминным коктейлем. Это была моя привычная пища. Аромат еде мы придавали сами. На завтрак я предпочитала добавлять вкус фруктов или молочных продуктов, в течение дня – мясные вкусы, а вечером – овощные. В коктейль можно было добавить вкусовые гранулы чая, молока, какао или кофе. Вкусо-ароматические и витаминные добавки производились на пищевом производстве на периферии, как и каша с коктейлем из питательных веществ. Отец включил телевизор. Информационный канал не отличался разнообразием передач. В основном это были новости, исторические сюжеты про катаклизм, про жизнь в резервации, социальные ролики. Как раз один из них мне запомнился слово в слово.

«В нашем мире нет насилия, войн и голода. Вместе мы победили эти проблемы и работаем, как единый организм, во благо будущих поколений. В нашем мире нет денег, воровства и коррупции, потому что мы работаем альтруистично, за идею светлого настоящего и будущего. В нашем мире нет зависти и злорадства, потому что у нас нет богатых и бедных, потому что мы все одинаковы при рождении и перед лицом Права.»

Ролик сопровождался картинками улыбающихся счастливых людей, зеленых деревьев и пестрых цветов, радуги после дождя, и я в который раз подумала, что наш город прекрасен.

Насыщение после ужина наступило моментально, и я знала, что чувство сытости будет со мною до самого утра. Потом я вышла на улицу и пробежала десять километров. На улицах Нордполиса в такое время почти не бывает людей, несмотря на хорошее освещение. Никто не мешал мне думать во время пробежки. Что я буду делать, если окажусь дефектной, и меня изгонят из Нордполиса? Буду ли я питаться на помойке, словно крыса, и донашивать изорвавшийся желтый комбинезон? Я решила, что всеми путями постараюсь избежать этой участи и сделаю всё, что угодно, чтобы остаться в городе. Несмотря на усталость, лежа перед сном в кровати, я взяла в руки лэптоп и открыла файл учебного пособия по биологии. Завтра мы будем сдавать экзамен на знание местной флоры, и мне предстояло повторить латинские названия растений, а также строение растительной клетки и процессы, происходящие в ней. Примерно через час я уснула и даже не заметила, как папа вытащил у меня из рук учебный лэптоп, закрыл его и погасил свет в комнате.

Глава 2. Игра

В школьной столовой было шумно. Утром нас разделили на команды – мы с Максом стали соперниками. Я сидела с Анной и Анжелой за столиком неподалеку от раздачи и краем глаза видела его. Он обедал с Леоном и Питером. Макс что-то увлеченно рассказывал, и время от времени за его столом раздавались взрывы хохота. Их стол находился слева, и я невольно поглядывала туда: мне жуть как хотелось присесть к ним и поучаствовать в веселье, но мы с девочками ещё с утра договорились обдумать стратегию Игры на сегодняшний вечер.

– Вики, я всё понимаю, – Анна постукала по столу карандашиком, – ты от НЕГО глаз не можешь отвести, но давай всё-таки подумаем о нашем плане.

Анна обожает планировать, писать списки и следовать им. И она явно станет правоведем. Эта девушка – сама аккуратность, пунктуальность, исполнительность и ответственность. До мозга костей педант, она будет верой и правдой стоять на защите Закона и Права Нордполиса. Уже сейчас она сможет процитировать любую статью из Непреложной Конституции. У мисс Совершенства всегда идеально уложены волосы, и комбинезон без единой складочки, словно только отпарен.

– Анна, ты придумываешь, – я слегка покраснела и демон-

стративно отвернулась от стола парней, – просто они слишком громко смеются, я не могу сосредоточиться!

– Ну-ну, а у кого тут расширились капилляры лица, участился пульс, и повысилась температура тела? Это что, грипп или влюбленность? – звонко рассмеялась Анжела.

Вот этого я терпеть не могу! Я метнула злобный взгляд, отчего она рассмеялась еще громче.

Анжела мечтает стать медиком и потому, в основном, изучает Услуги, слегка игнорируя другие профессиональные дисциплины. Если когда-нибудь случится, что я заболею, я пойду лечиться именно к ней. Уже сейчас Анжела знает все ныне существующие болезни и с легкостью ставит диагнозы. Естественно, поначалу она будет няней-санитаркой: ей придется ухаживать за младенцами и стариками, но со своими познаниями она далеко пойдет, возможно, даже в хирургию. Есть у нее желание помогать другим людям, что очень важно. В городе люди болеют редко, потому что у нас высокотехнологичная медицина. Но никто не застрахован от несчастного случая на работе, от рака, который до сих пор считается неизлечимой болезнью. Люди в нашем обществе умирают, в основном, от рака. Хотя есть множество случаев выздоровления, которые возможны только благодаря пересадке органов. Говорят, органы выращивают в специальных лабораториях на периферии, хотя лично я не встречала ни одного человека, который бы там работал.

– Смотри-ка, Рыжик сердится! – пуще прежнего дразни-

лась она.

– Анжи, отстань от нее, – вмешалась Анна, – у нас тут план, ты забыла? У нас осталось десять минут до конца обеда, некогда ёрничать!

– Ну ладно, ладно! – Анжела подняла руки вверх, – сдаюсь! Рассказывай свой план.

Скорая капитуляция Анжелы была мне на руку, и я, пригладив волосы пальцами, активно включилась в обсуждение Игры. На самом деле, я не сердилась на Анжелу, это было нормальным для нас поведением. Для меня, что Анна, что Анжела, что остальные 25 человек в нашей группе за время совместного обучения стали почти родными. Мы начинаем посещать школу с четырех лет, и все четырнадцать лет мы практически живем в группе с 7 утра до 7 вечера. Наши родители работают все это время, и нас воспитывают и, конечно, обучают, педагоги. За двенадцатичасовой школьный день у нас проходит семь занятий, из которых шесть посвящены профессиям – это Офис, Услуги, Природа, Педагогика, Индустрия, Право. Седьмое занятие в будни посвящено науке, в выходные – Игре. На научном занятии мы читаем, красиво пишем, считаем без калькулятора, а игровые занятия – это то, ради чего стоит жить.

Игра проходит в естественных условиях, на одном из полигонов периферии. Две команды стартуют с противоположных сторон. В распоряжение каждому из нас дают компас, карту, световой пистолет. Перед Игрой нам выдают специ-

альную экзоскелетную форму цвета хаки. Она никак не усиливает наши физические способности, но если в туловище попадает луч светового пистолета, армирующие волокна костюма распрямляются и фиксируются в одном положении, так что человек, находящийся внутри, не может пошевелить ни руками, ни ногами. Полностью обездвиженный участник выбывает из соревнования. Примерно два часа нам дается на то, чтобы отыскать карту, где уже отмечено местоположение кубка. Для этого мы идем по наводкам. Первую из них нам дают на старте. Она может звучать примерно так:

«Ты приз свой получить готов,
Иди туда, где солнца свет,
Пройдешь всего лишь сто шагов,
В земле найдешь ответ».

Расшифровать это послание можно было дословно так: «Пройди сто метров на восток и раскопай там всё на площади трёх квадратов». Когда же ты добираться до этого места, там оказывается следующее послание. Конечно, я сейчас привожу упрощенный пример, такие задания дают в младших классах. У нас задания не такие простые, а финальная Игра точно будет отличаться загадками повышенной сложности. Суть в том, что первый этап Игры является командным, а на втором этапе, когда все увидят координаты кубка по карте, у каждого участника появляется дополнительный стимул прийти к цели первым. Правда, пистолеты часто идут в ход с первых минут игры. Бывает, что часть группы следу-

ет по наводкам, еще часть охраняет ее, а третья часть идет в разведку боем, пытаясь вывести из строя как можно больше противников. Иногда Игра проходит почти без «жертв» и заканчивается очень быстро, а порой до окончания Игры в дееспособном состоянии остается три-четыре человека. В любом случае для победы нужно быть не только умным, но и быстрым, и внимательным, и находчивым.

В тот день на утреннем собрании нам объявили, что мы будем играть на Южном полигоне. Это была довольно сложная локация: холмистая местность, полностью покрытая смешанным лесом. Много молодой поросли клена и тернистых кустарников. Ледяные горные ручейки с радужной форелью. За 14 лет мы были там всего несколько раз, и я почти не помнила карту участка. На этом же собрании нас поделили на команды. Мы с Максом оказались соперниками. Мне казалось, тем лучше, ведь игра обещала быть интересной. Во время речи учителя, который поздравлял нас с финальной игрой, на экране моего ноутбука замигало сообщение:

- «Это последняя Игра, будь готова к сюрпризам» (Макс)
- «Ты что-то знаешь об этом?» (Виктория)
- «Отец рассказывал, что на его финальной Игре были ловушки» (Макс)
- «Спасибо, что предупредил :)» (Виктория)
- «Должна будешь :)» (Макс)

Я посмотрела на него, и мы обменялись улыбками.

Потом нас на школьном поезде отправили на полигон. Дорога заняла полчаса, и за это время я думала о том, что довольно странно играть с пистолетами в мирное время. Нам не с кем воевать, но, по факту, каждый житель Нордполиса умеет обращаться с оружием, читать карты, пользоваться компасами, биноклями, дальномерами. По инфоканалу говорили, что Игра – это память о предапокалиптическом мире, чтобы мы никогда не повторяли ошибок предков. В прошлом было много кровопролитных войн – Первая и Вторая Мировые, завоевательные походы Чингисхана и Наполеона, бомбежки Вьетнама и Сербии, взрывы в Хиросиме и Нагасаки. Я думала о том, что все нормальные люди предпочитают жить настоящим и во имя светлого будущего, а не содрогаться от ужасов прошлого. Хотя я не знаю. Не хочу кривить душой, но Игра мне всегда нравилась. На полигоне я хоть на некоторое время могла отбросить условности и побыть древним человеком, повинуюсь инстинктам охоты и защиты. Я неплохо стреляла и быстро бегала, благодаря чему могла защищать свою команду на первом этапе Игры и претендовать на кубок во втором.

Вагон вынырнул из-под земли ровно через 29 минут после отправления и остановился на платформе среди густого леса. Я вышла вместе с одноклассниками на черный прорезиненный асфальт и огляделась. Деревья покрывали почти все пространство, лишь местами виднелись каменные проплешины холмов. Где-то совсем рядом журчал ручей, в глубине

леса пересвистывались чечётки и трещали сороки. Внезапно с самого высокого утёса с карканьем и хаотичным хлопанием крыльев взметнулась стая ворон. Шестое чувство подсказало мне, что там что-то есть. Я взглянула на Макса, он тоже наблюдал за кружащей в небе стаей.

Полигон представлял собой пространство, окруженное частоколом из сухих ветвей, диаметр которого был равен 10—12 километрам в зависимости от местности. Прямо за полигоном вдалеке виднелась стена, или, как говорится, Предел. Высота Предела составляла примерно пятьдесят метров, и с моего угла зрения не было видно того, что находится там, за ним. Стена была сложена из серого обтесанного камня. Внезапно я ощутила желание заглянуть за границу Нордполиса и посмотреть, как далеко находится резервация, и какая там природа. Но сделать это не представлялось возможным, стена была слишком высокой. Я подумала, что если мне удастся забраться на холм, над которым мелькают сейчас вороны, оттуда точно откроется обзор на запредельное пространство.

Зазвучал горн, возвещавший о начале Игры. Каждую из групп повел на старт свой куратор. Мы направились в противоположные стороны по границе полигона, и примерно через километр он вручил нам первую наводку. Обычно это были конвертики с содержащимися в них загадками, но сегодня у нас в руках оказалась небольшая коробка, которую с легкостью можно было удерживать на одной руке. Мы без

проблем вскрыли ее и обнаружили внутри, наверное, тысячу мелких кусочков картона, на каждом из которых было изображение. По отдельным линиям угадывались буквы и знаки препинания. Всё ясно, чтобы прочесть наводку, нужно было собрать картинку. У каждого кусочка картона был свой цвет, от темно синего до светло—голубого, от розового до насыщенно красного, были кусочки фиолетового цвета. Я поняла, что это градиент цвета от синего к красному.

– Ребят, чтобы не мешать друг другу, предлагаю разделить по цветам. Семеро вполне справятся с пазлом. Один будет собирать синюю область рисунка, второй голубую, третий фиолетовую, четвертый розовую, пятый красную. Еще двое будут помогать им. Трое будут защищать рабочую группу, а остальные пока могут разведать местность.

Сама я вместе с Анной и Леоном отправилась на разведку. Анна была отменным стрелком, а Леон мечтал стать лесником и идеально знал всю местную флору и фауну, прекрасно ориентировался на местности даже без карт и умел бесшумно двигаться по лесу. Мы молча шли по траве, старательно перешагивая сухие ветки и стараясь не дотрагиваться до кустарников. Лишние движения и треск могли легко выдать нас соперникам. Леон шел впереди, мы с Анной позади и чуть по сторонам, образуя треугольник. Внезапно он поднял руку в предостерегающем жесте. Мы все замерли. Впереди слышался звук, словно какой-то грузный человек с пыхтением и сопением собирает хворост. Мне ничего не было вид-

но за зарослями, поэтому я смотрела поочередно то на Леона, то на Анну. Леон старательно вглядывался в чашу. Вдруг глаза его округлились, и он медленно и аккуратно начал отступать, показав нам рукой следовать за ним. Мы беспрекословно повиновались. Только спустя метров сто он тихо сказал:

– В эту сторону нам лучше не ходить. Белогрудый гималайский с медвежонком. Если бы медведица нас услышала, мы вряд ли выбрались оттуда живыми.

– Куда смотрели организаторы Игры? – возмутилась Анна, – Они подвергают нашу жизнь опасности!

– Эн, возможно, здесь еще вчера было чисто, а медведица перелезла через частокол ночью.

– Сейчас медведица находится на этом участке, но через полчаса она может быть совсем в другом месте, – сказала я.

– Вряд ли она уйдет отсюда с медвежонком в течение ближайшей пары часов. Там заросли ежевики и малины, недалеко ручей, – они кормятся и отдыхают.

– Было бы неплохо. Надо предупредить команду, – сказала я, и мы двинулись в обратный путь.

Когда мы вернулись, картинка была уже собрана. Там было написано следующее:

«Скитаясь по лесу, мудрец,

Пути не мог найти конец,

Увидел ленту голубую,

И вниз по ней пошел втихую,

Добрался до рычання льва,
И прямо в пасть ему попал.
Нашел там сундучок заветный
И на вопросы в нём ответы.»

– Ну, тут всё понятно, – констатировала Анжела, – голубая лента – это река. Реку я отсюда слышу, до нее метров двести, не больше.

– В том-то и дело, что напрямую мы не сможем пройти, – возразил Леон, – там медведица почти у воды. Я думаю, нам нужно сейчас обогнуть это место и выйти ниже по течению.

– Да, – подтвердила я, – он прав, это самый безопасный путь. Сделаем так: Леон, Анна и я идем чуть впереди, потом идет команда цепочкой, и замыкающими поставим пару стрелков, чтобы они могли защитить группу от нападения сзади. Кстати, у кого-нибудь есть мысли про рычание льва? – после сегодняшнего медведя я уж и не знала, что ожидать. Не хотелось бы попасть кому-то в пасть, пусть даже за ценным сундучком.

Никто не выдвинул предположений, и мы решили разобратся по ходу движения.

Мы достали пистолеты и пошли вперед. Спустя метров двести я остановилась и прислушалась. Кругом стояла тишина, лишь только птицы щебетали где-то поодаль, но зато совсем рядом журчала речка.

– Подозрительно тихо, – обратилась я к ребятам, – как будто здесь уже кто-то побывал и распугал всю живность.

Я обернулась, но сзади никого не было.

– Анна! Леон! – позвала я, но ответом было лишь безмолвие. Медленно я стала отступать к дереву, стоящему рядом, и внезапно мощный удар сверху повалил меня наземь. Я упала прямо лицом вниз, испачкавшись в грязи. Чья-то сильная рука перевернула меня на спину, и я увидела смеющееся лицо Макса. Он сидел рядом со мной на корточках.

– Вики, ты совсем потеряла бдительность! И похожа сейчас на запачканного домовенка! – Он навёл пистолет мне в грудь и сказал, – а знаешь, я бы мог сейчас выстрелить и сам забрать кубок.

– Ах ты, подлец! – брыкнула я его коленом, и он упал на спину, смеясь.

Я не выдержала и тоже засмеялась. Потом я встала и, протянув руку, помогла подняться ему.

– Ты видел медведицу с медвежонком? – заглянула я в его медовые глаза, которые округлились от удивления.

– Ты что, шутишь сейчас? – он скрестил руки на груди.

– В том-то и дело, что нет! Они кормятся в метрах трехстах отсюда. Не советую туда соваться.

– Хм, спасибо, что предупредила, – он почесал затылок. – Тогда я тебе тоже кое-что сообщу: не вздумайте лезть в речку, у местной радужной форели выросли зубки. Борис решил умыться, и его эвакуировали с многочисленными ранами на руках. Вода кишит этой тварью. Парень, конечно, выживет, но финальную Игру запомнит надолго.

– Тебе не кажется это странным? Медведи, хищные рыбы... Что дальше? – развела я руками.

– Уже ничего не кажется странным, похоже, всё так и спланировано, – наклонил он голову набок и прищурился.

– Но кому могло прийти такое в голову? – искренне негодовала я.

– Тому, кто хочет узнать, на что мы способны, – загадочно улыбнулся Макс, а потом развернулся и зашагал в чащу леса.

– Эй, подожди, – окликнула я его, – где Анна и Леон?

– Увы. Они выбыли из Игры, – с притворным сочувствием пожал он плечами.

– Вот черт, – выругалась я и тоже поспешила к своим.

Мы добрались до реки за десять минут и пошли вниз по течению. Когда одна девочка захотела помыть руки в воде, я окрикнула ее, демонстративно сломила ветку клена и засунула ее в речку, а спустя несколько мгновений вытащила на ней пять зубастых тварей, несколько не похожих на форель. Весьма очевидно, что вся форель была сожрана этими кровожадными рыбами. Видели бы вы лица моих одноклассников... Это был настоящий испуг. Да и сама река не была похожа на голубую ленту, столь романтично фигурировавшую в стихах наводки. Она была мутно-серого цвета. Чем дальше мы шли, тем громче становился рев падающей воды. Впереди был обрыв, и вода вместе со своими обитателями падала с высоты как минимум тридцати метров.

– Судя по всему, это и есть рычащий лев, – сказала я ко-

манде, – и я даже догадываюсь, где его пасть.

Я подошла к обрыву и заглянула вниз. Действительно, под потоками летящей вниз воды зияло черное отверстие пещеры. Проблема заключалась в том, что сверху и снизу до нее было примерно одинаковое расстояние, и встал вопрос, как туда попасть. Внизу было озеро. Чтобы попасть в пещеру сверху, нужна была хотя бы веревка.

– Нам нужна веревка, – я обернулась к команде, – у кого какие соображения на этот счет?

– Мы можем сделать веревку из одежды, – предложила маленькая робкая Нинель, – только для этого нам всем придется раздеться.

Она слегка покраснела.

– Вы можете спустить на веревке меня, я самая легкая.

– А ведь это мысль! – я уже расстегивала молнию комбинезона. Хорошо, что носили мы его не на голое тело. У всех внизу были трикотажные серые леггинсы и белые майки, – Нинель, ты должна остаться в комбинезоне, не забывай про зубастиков.

Нинель слегка поёжилась, но сделала шаг вперед. Мы связали одежду в веревку общей длиной 18—20 метров и обвязали ее вокруг пояса девушки. Она надела капюшон и затянула его вокруг лица. Самые сильные парни из нашего класса – Майкл и Питер – начали аккуратно спускать ее вниз. На высоте пещеры Нинель, цепляясь за камни, стала уходить вбок, под падающую воду. Река была горная, а потому

она не лилась по склону, а летела по траектории параболы, образуя под собой воздушное пространство. Затем девушка скрылась в пещере, отвязав себя от веревки. Примерно минут пять ее не было, и я уже начала волноваться, но вот веревка натянулась. Нинель обвязалась ею снова. Майкл и Питер медленно поднимали ее вверх, а когда голова показалась над обрывом, они подхватили девушку под мышки и вытянули на твердую поверхность. В руках она держала деревянный сундучок.

– Нинель, какая ты умница! Молодец! Потрясающе! – все старались обнять ее и похвалить.

– Боюсь, мне нечем вас порадовать, – с кислым видом сказала она и открыла крышку сундучка. Внутри было пусто.

Я взяла его в руки, повертела, посмотрела на дно и стенки. Внутри он был абсолютно чист, цвета свежей сосны с приятным смолистым запахом. Снаружи была видна работа мастера. Выжигателем на каждой грани были нанесены изображения, везде разные. На одной стороне была изображена река и водопад, на другой – озеро и лес, на третьей – лес и скалы. Еще на одной грани можно было разобрать холм и дерево. Я посмотрела по сторонам. Действительно, на юго-востоке я увидела похожие очертания. Примерно в двух километрах от нас над лесом был виден холм с каменной вершиной. Непонятно каким образом, но на ней вопреки всем законам физики и биологии буквально на голых камнях росло небольшое, пригнувшееся к земле карликовое дере-

во. Вот она: сила жизни. Ветер гонит малюсенькое слабенькое семечко и бросает его на совершенно безродную поверхность. Там оно лежит до поры до времени, пока тот же ветер не накроет ее легкой простыней дорожной пыли и песка. Дождь долгими месяцами поит его, и вот уже к солнцу тянутся первые зеленые веточки. Этому ростку мало питательных веществ, но он начинает создавать их сам в сотрудничестве с солнечным светом и атмосферной влагой. И дерево продолжает жить. Вот так же и человечество когда-то оказалось на вершине скал и проросло здесь корнями, и борется за жизнь, несмотря на ограниченность суши и ресурсов. Так я думала, пока наша команда пробиралась сквозь лес к обозначенной цели.

На удивление без проблем мы добрались до холма. Он был не очень высокий и, кроме того, на него можно было забраться без страховки по тропке. Было лишь одно «но»: место было открыто всем ветрам и взору команды соперников. Если они находились поблизости, то могли запросто вывести нас из строя по одному, пока мы будем добираться до следующей наводки.

– Мы должны прочесать местность, – подхватил мои мысли Питер. Он, Майкл и Вера отправились в разведку. Поначалу было тихо, но спустя пять минут раздались крики и свист светового пистолета. Там была перестрелка. Я взяла на помощь еще двух девочек, включая Нинель, и мы двинулись в сторону сражения, перемещаясь под укрытием дере-

вьев. Наступила тишина. Внезапно я увидела Питера, он сидел, прижавшись спиной к стволу.

– Майкл? – шевельнула я губами в немом вопросе.

Питер провел своим пистолетом по горлу.

– Оба, – прошептал он.

Отлично. Еще минус два человека в нашей команде. Я показала пальцем в сторону противника. Питер показал три пальца, – три потери с их стороны. Уже неплохо. Я легла на живот и под укрытием лопухов выглянула из-за дерева. Свиду было пусто, но вот я обратила взгляд вверх и увидела их на ветвях. Они не ждали опасности снизу и смотрели в сторону скал: видимо, решили, что уничтожили всю разведывательную группу. Я медленно вернулась за ствол. Питеру и остальным я указала наверх и показала пять пальцев. Вероятно, они караулили нас, пока основная часть их группы шла по наводкам. Что же, хитро! Спустя несколько мгновений мы вынырнули из-за деревьев и одного за другим сняли всех. С глухим стуком обмякшие тела падали вниз. Макса среди них не было. Теперь мы были в большинстве. Я спокойно добралась до дерева на вершине, сняла сундучок и вернулась к своим. Когда я открыла его, все радостно зашумели, внутри лежала карта местности, на которой красной галочкой было отмечено заветное место, то, где ждал кубок. Карта мне больше не была нужна, я записала ее в свою память и видела каждую линию, каждую цифру, просто закрыв глаза. Три скалы были отмечены на карте, и мне оста-

валось просто двигаться по прямой в западном направлении. Я достала компас, и попрощалась с группой. Еще несколько амбициозных ребят тоже продолжили путь самостоятельно. Это были Питер, Натали и, на удивление, Нинель. На этом участке пути мы разделились. Я уже и до этого догадывалась, где произойдет финальная схватка за кубок, и не упускала из виду ту скалу, над которой кружило воронье. Я знала, что Макс тоже поспешит туда, поэтому не стала тратить драгоценные минуты на оценку местности и поспешила к скале. Не могу сказать, что на пути меня ждали какие-то серьезные препятствия. Я просто бежала, к чему была готова благодаря ежедневным тренировкам. Спустия примерно два километра я сбавила темп и перешла на легкую трусцу, стараясь не шуметь. Чем ближе к кубку, тем опаснее. Потом я перешла на шаг и последние пятьдесят метров прошла, крадучись. Никого вокруг не было. Кажется, я пришла первой. С одной стороны скала была отвесной, а с другой – пологой. Высота ее достигала примерно 150 метров и я, оглядываясь по сторонам, побежала по склону вверх. Меж кустарника петляла еле видная тропка, и я поспешила по ней. Позади слышался треск ветвей и шорох листвы, и я прибавила ход. Совсем неожиданно передо мной открылась ровная площад-ка, которая чем-то насторожила меня. В нерешительности я замерла на краю поляны. Трава на ней была слишком ров-ная и одинаково зеленая. «Тут что-то неладно», – подумалось мне. Опасливо я ушла с тропы и спряталась за стоящее

рядом дерево. Внезапно появился Павел из другой команды, который прыжками помчался по газону к тропе, продолжающейся после плато и ведущей на вершину. Дальше случилось вот что. Всего одно мгновение – и он как сквозь землю провалился, а точнее, так и случилось. Над его головой вновь упруго сомкнулся газон, а сам Павел даже пикнуть не успел. Вот и первая ловушка, Макс предупреждал. Я решила обойти поляну по кругу, и спустя минуту я уже шагала по тропе дальше. Случай с Питером заставил меня быть осторожнее, и теперь я вертела головой во все стороны, чтобы не попасться на крючок. В один момент мне показалось, что кто-то наблюдает за мной из-за кустов. Я пригнулась и швырнула в ту сторону небольшой камушек. С громким хлопанием крыльев оттуда вылетела крупная птица. Тропа продолжала виться у меня под ногами, пока я не достигла вершины. На камне стоял вожаденный кубок, а рядом, как пойманный зверь, вертелся подвешенный за одну ногу Макс.

– Макс, как тебя угораздило! – всплеснула я руками. Но Макс не ответил, похоже, он был в беспамятстве. Кубок был в заманчивой близости, но он мог и подождать, а вот Макс проболтался так уже довольно долго. Лицо его стало пунцовым, и я, схватив острый камень, начала пилить веревку. Минуты тянулись, как часы, и когда осталось несколько волокон, я услышала спокойный детский голосок:

– Вики, держи веревку, а иначе он ударится головой о землю.

Я в недоумении обернулась и увидела Нинель с кубком в руках. Послышался горн, обозначивший конец Игры.

Глава 3. Выпускной

Утром я открыла глаза и посмотрела на будильник. До звонка можно еще было поваляться пять минут. В сознании всплыли события вчерашнего дня. После того, как я перепилила веревку и, удерживая её, неуклюже опустила Макса на землю, он пришел в себя через пару минут. Мой друг не обращал внимания ни на кубок, ни на Нинель, а сказал лишь одну фразу, глядя мне в глаза:

– За Пределом нет ни свалок, ни нищих. Там просто земля, природа, деревья. Там ничего. Я видел, когда висел в петле.

Я вскарабкалась на валун, на котором стоял кубок, и обратила взор за стену. Я ожидала увидеть небольшую полосу земли, а за ней океан. Но по всей округе не было ни капли соленой воды. За стеной шумел лес, искрился на солнце ручеек, виднелись поляны и холмы. Я не видела свалок и кормящихся на них изгоев, не было и воронья, почивающего на их трупах. Мы с Максом переглянулись, многое хотелось обсудить, но в этот момент на нас упала тень коптера. Над всей локацией висела дюжина таких машин, подбирающих участников игры на борт. В коптере мне очень хотелось поговорить насчет увиденного с Максом, но рядом сидел куратор, и шестое чувство подсказало мне, что это опасно. Лэптопы остались в классе, и у нас больше не было доступа к ним. Я

должна была найти выход!

– Ты молодец, Нинель, – сказала я, обратившись к сияющей от удовольствия однокласснице, – поздравляю! Жаль только, что Игры больше не будет, и я не смогу отыграться.

– Да, – сказал куратор, – это так, после Выпускного Игр не бывает.

– Печально, – вздохнула я. – Но ведь никто не запрещает поддерживать себя в хорошей физической форме, верно? Я и дальше планирую бегать каждый вечер в районе 10 часов вечера от дома до Площади и обратно.

Я многозначительно взглянула на Макса. Он пристально посмотрел на меня и слегка кивнул головой. Потом прошло награждение. Наша команда получила кубок, а Нинель вручили приз. Это был радиокompас в комплекте с радиомаячком. После церемонии Нинель подошла ко мне.

– Вики, этот приз вообще-то принадлежит тебе. Ты запросто могла взять кубок первой, но решила сначала освободить Макса. Возьми, мне он всё равно не нужен.

Я никак не ожидала от нее этого поступка и стала отказываться от столь ценного подарка, но она продолжала настаивать. В конце концов, я сдалась.

– Нинель, скажи мне, – обратилась я к этой хрупкой голубоглазой девушке с веснушками на фарфорового цвета коже, – я никогда не замечала, что ты тренируешься, как тебе удалось прийти на финиш так быстро?

Нинель немного замялась.

– Ты всегда была для меня примером для подражания, и в этот раз я просто последовала за тобой. Ты знаешь, я действительно не обладаю силой, стреляю кое-как, но я неглупа и незаметна для окружающих. Возможно, это не совсем честно, но в Игре каждый выживает, как может, – пожала она плечами.

Я полностью была согласна с ней. И на утро, лежа в кровати и купаясь в лучах солнца, пробивавшихся сквозь мои окна, я продолжила оживлять воспоминания минувшего вечера. Когда я прибежала на Площадь, Макс уже поджидал меня под кроной каштана. Он стоял, опершись спиной на ствол, и смотрел в темное небо с поблескивающими в нем первыми звездами.

Некоторое время мы помолчали, а потом Макс сказал:

– Ты видела то же, что и я. Что ты думаешь об этом? Где свалка? Где изгой?

– Макс, может быть, она с другой стороны Нордполиса, или где-нибудь за лесом? – предположила я.

– Ну, предположим. Вики, а ты видела океан, который окружает наш город, как сказано в учебнике по географии?

– Нет. Это тоже меня смутило, я и не знаю, что тут можно сказать. Океан отступает? – мне показалось, что у Макса уже есть ответы на все вопросы.

– Я не знаю точно, но похоже на то. Почему мы узнали об этом только сейчас, вот что меня сейчас интересует. И почему учителя не рассказывают об этом? – у него было еще

больше вопросов, чем у меня.

– Макс, в любом случае этому есть объяснение. Возможно, сейчас нам рано еще это знать.

– Да мы уже практически совершеннолетние! – вспыхнул Макс, и глаза его сверкнули янтарной вспышкой в свете фонаря, – здесь явно что-то не так!

– Кстати, насчет Выпускного... – я немного замялась, не зная с чего начать, – маловероятно, что мы с тобой увидимся после распределения. Я порылась в сумке, перекинутой через плечо, и достала оттуда небольшой сверток.

– Представь, Нинель отдала мне свой приз. Я не хотела брать, но она настояла. И я хочу поделиться им с тобой. На одной моей ладони лежало устройство величиной со спичечный коробок с лимбом, на котором, как на циферблате, были расположены цифры по окружности, а в центре находилось электронное табло, где горели цифры координат. Стрелка-указатель лимба показывала в сторону второй ладони, на которой лежала маленькая едва заметная штуковина, – маячок размером с пуговицу.

– Ух ты! – присвистнул Макс, – крутая штука.

– Ты можешь взять или приемник, или маячок, – предложила я Макс, и он, не раздумывая, взял приемник.

– Я найду тебя в случае чего, – заявил Макс, а мне стало вдруг необъяснимо радостно.

– Уже поздно, – спохватилась я, – меня ждут родители.

Макс посмотрел на меня, и мне показалось, что в его гла-

зах мелькнула грусть.

– Я не знаю, поговорим ли мы с тобой еще хоть раз, но на всякий случай... Прощай.

И он протянул мне руку. Я почувствовала, что в горле моем встал ком, глаза защипало от навернувшихся слез. Я быстро пожала его руку, выдавила из себя: «Прощай» – и, развернувшись, побежала в сторону дома.

Взорвался звоном будильник, и я буквально подскочила на кровати. Босыми ногами я прошлепала в ванную и в течение десяти минут просто стояла под струёй горячей воды, пытаюсь согреться. В моей комнате тоже было довольно прохладно, о чём засвидетельствовали мурашки, пробежавшие по коже, и я поспешила в последний раз залезть в свой желтый комбинезон. Прошедшись расческой по копне торчащих в разные стороны волос, я собрала их в хвост и поспешила на завтрак с родителями. Мама поздравила меня с окончанием школы и пожелала мне удачи на распределении, отец крепко обнял и поцеловал в лоб. После этого я отправилась на Площадь. Это место было главным в городе. Посреди огромной круглой Площади находился огороженный поликарбонатным забором парк, войти в который можно было лишь через пару центральных ворот. Одни ворота вели к Медицинскому центру, а другие – к Правлению, однако оба эти здания, несмотря на отдельные входы, были соединены между собой переходом. Если Правление возносилось высоко над Нордполисом (у меня даже шея затекла, ко-

гда я пыталась рассмотреть верх здания), то Медицинский центр имел всего два этажа. Над каждым входом развевался флаг Нордполиса: многоконечная объемная красная звезда в белом круге на голубом фоне. В школе на одном из первых уроков нам объяснили, что голубой фон – это океан, белый круг – наш город, звезда – символ совершенства. Флаг имел красную рамку, но что она символизировала, нам никогда не объясняли. Учителя говорили, что это, скорее всего, просто элемент, призванный подчеркнуть контраст голубого флага на фоне голубого неба.

Процедура распределения происходила в Медицинском центре. И если для нас, собравшихся там выпускников, она была необычна и празднична, то для работников центра она была обыденна и не вызывала никаких эмоций. Здание центра было двухэтажным. На обоих этажах имелся главный коридор с вереницей дверей в разные кабинеты. Куратор выстроил нас на втором этаже, каждого напротив своей двери.

– Как прозвучит сигнал, – громко объявил он, – каждый из вас войдет в свой кабинет.

Я немного волновалась и видела, что остальные ребята тоже. Каждый по-своему. Одни переминались с ноги на ногу, другие грызли ногти, третьи теребили одежду. Макс стоял в самом конце коридора и, увидев, что я смотрю на него, ободряюще улыбнулся мне. Он был абсолютно спокоен, и его непоколебимость передалась мне. Зазвучал резкий сигнал, и я открыла дверь. Я оказалась в темной комнате и совер-

шенно ничего поначалу не могла рассмотреть. Постепенно передо мной начала вырисовываться картинка: впереди был большой экран. На нем я увидела изображенного человека со скрещенными на груди руками. Он лежал на кушетке. Лицо было безмятежно.

– Что с этим человеком? – услышала я электронный голос, – дайте ответ вслух.

Я подумала, что это неоднозначная картинка, ведь этот человек может спать в такой позе, или может быть мертв. Но ответила:

– Он спит.

Потом было еще около десяти таких же двусмысленных картинок. На одной был изображен человек с ножом в одной руке и вырезанным сердцем в другой.

– Кто этот человек? – задрезжал голос.

– Он повар, – ответила я, хотя мне показалось, что больше он похож на маньяка—убийцу.

Запомнилась мне еще одна картинка. Это была толпа людей, в центре которой стояла трибуна, и с неё вещал человек. Я подумала, что именно так должен выглядеть революционный митинг, о котором я читала в учебнике истории. Однако на просьбу озвучить событие я ответила, что это День Города. На последней картинке был схематично изображен Нордполис, окруженный стеной и океаном.

– Что это? – озадачил меня голос.

И несмотря на то, что на языке крутилось слово «Ложь»,

я громко ответила:

– Прошрое.

Затем в комнате зажегся свет, и я увидела на столике листы бумаги с разными задачками. Мне хватило двадцати минут, чтобы перешелкнуть их одна за другой.

Затем голос возвестил, что тестирование окончилось, и пригласил меня зайти в следующую дверь, чтобы сдать кровь на анализ. В следующей комнате, наоборот, было очень ярко. Стены блестели глянцевым белоснежным кафелем, посередине комнаты стояла кушетка, на которую меня дружелюбным жестом пригласила прилечь медсестра. Я улеглась. Женщина наклонилась у кушетки и вытащила оттуда ремни.

– Зачем это? – обеспокоенно спросила я.

– Не волнуйся, это стандартная процедура. В ней важна точность, поэтому мы фиксируем каждого.

Она нежно погладила меня по плечу и улыбнулась. Это была очень красивая женщина с правильными и симметричными чертами лица. Я удивилась свежести ее кожи и жемчужной белизне зубов. Она смотрела на меня из-под пушистых соболиных ресниц ярко-голубыми глазами. На ум мне пришел лишь один эпитет «шикарная». После этого я немного расслабилась, положила голову на кушетку и прикрыла глаза.

– Милая, ты знаешь, что в день распределения каждый выпускник сдает кровь на анализ. – Я почувствовала, как ее

руки ловко затянули ремень на правой руке.— На самом деле это не совсем так. — Ремень затянулся на левой руке. — Дело в том, что в этом нет необходимости.

От удивления я приподняла голову, но её мягкая и теплая рука надавила на мой лоб и заставила принять прежнее положение.

— Всё хорошо, — сказала она и продолжила спокойно и мягко свою речь.

— Еще при рождении у каждого из вас мы взяли образцы крови. В банке данных Нордполиса уже есть вся важная информация о группе и резусе, содержании стволовых клеток и даже особенностях генотипа. Я думаю, у тебя возник вопрос, что же мы будем делать сейчас? Дело в том, что за долгие годы жизни человеческого рода на большой высоте над уровнем моря, у части людей серое вещество мозга стало толще на несколько миллиметров, немного видоизменился мозжечок, а главное, в одной из 46 хромосом появился новый ген. Ученые назвали его неопсихоген.

Пока я слушала, мои ноги оказались плотно пристегнутыми к кушетке.

— Так вот, милая, этот ген отвечает за особые функции мозга. Трансформировавшийся мозжечок стал своего рода ретранслятором, позволяющим общаться между собой на ультразвуковых волнах. Кроме того, у таких людей, ученые называют их индиго, отмечается повышенный уровень IQ и идеальная память. Ты же понимаешь, о чем я говорю,

да милая? Ты же хорошо училась в школе? – она посмотрела на меня с улыбкой, от которой мне почему-то стало жутко, а по коже пробежал озноб, подняв волосы.

– Знаешь ли, плохая новость заключается в том, что таких индиго рождается не больше 5%, и есть риск, что они внесут смуту в наше прекрасное равное общество. Именно поэтому, выявив при рождении индиго, мы вынуждены вводить ему специальную сыворотку, блокирующую действие неопсихогена. Действует сыворотка около 20 лет, но мы вводим анти-сыворотку немного раньше.

– На Выпускной, – констатировала я с широко раскрытыми глазами.

– Да, милая, ты совершенно права! – с наигранной обрадованностью воскликнула она. – Нам нужно, чтобы действие гена началось под полным контролем Правления. Ведь от этого зависит безопасность Нордполиса, ты понимаешь это? Наверное, тебя интересует, почему мы не избавляемся от таких младенцев сразу. Милая, у нас справедливый город, мы же не монстры. Каждый человек имеет право вырасти и получить образование, а как он распорядится этим даром – уже его личное дело. Такие люди могут как внести смуту, так и послужить на пользу Нордполиса. Индиго – это новая ступень эволюции и мощный потенциал для развития нашего города. Из них получаются гениальные математики, микробиологи, физики, поэтому мы заинтересованы в том, чтобы они оставались в Нордполисе. Однако не все индиго подхо-

дят нам. Если хочешь, я расскажу тебе, что сейчас происходит с твоими одноклассниками.

Я кивнула.

– А ничего. Они тоже прошли психологический тест, сдали кровь, и их, скорее всего, уже распределили по профессиям. Они никогда не узнают о существовании индиго, будут всю жизнь трудиться в своей сфере, создадут семью, родят двоих детей. Всё, как у всех. Ну а тебе сейчас предстоит процедура введения антисыворотки. Мне не хотелось бы тебя расстраивать, но будет немножечко больно.

На этих словах она заклеила мой рот широким скотчем. Я замычала, замотала головой, а она, приложив свой палец к губам, тихонько сказала:

– Не будем шуметь и пугать одноклассников. Все будет хорошо.

Я снова замолчала, усиленно дыша носом и пытаюсь успокоиться, а медсестра отошла в сторону и через минуту подошла ко мне со шприцом, в котором находился от силы миллилитр красной, похожей на темную венозную кровь, жидкости.

– Работай кулачком, – сказала она с улыбкой.

Я сжала кулаки и напряглась. Словно раскаленное железо вошло мне в вену. Запульсировала, загорелась кровь во всем теле, на коже выступила испарина, и мышцы пронзило невыносимой острой болью. Яростные волны судорог шли по телу, спазмические приступы пронзили все внутренние орга-

ны, но хуже всего пришлось голове. Яркие вспышки перемежались с полной темнотой, которая потом взрывалась фейерверками цветных пятен. Я дергалась на кушетке, но ремни не давали мне ни сдвинуться, ни свернуться клубочком, чего мне очень хотелось. Я пыталась кричать, но получалось лишь сдавленное мычание. Мне показалось, что вот, именно сейчас, я должна умереть. После очередной вспышки я провалилась в беспамятство.

Глава 4. Правление

Я лежала в зеленой траве, и надо мною шумели деревья. Я открыла глаза и увидела, как вековой дуб и молодой тополь сплелись ветвями и образовали надо мной купол. Ветер заставлял трепетать и шелестеть тополь, но дуб стоял молча и непоколебимо, лишь едва качая ветками.

– Где я нахожусь? – всплыла мысль.

– Ты дома, – мне показалось, что это ответил дуб.

– Ты дома, дома, дома, – зашелестели тысячи тополиных листочков.

– Мой дом – Нордполис. Я не знаю, что это за место, – ответила я ему мысленно.

– Твой дом – это Земля, – величественно ответил мне дуб.

– Земля, земля, земля, – зашумел тополь.

Я приподнялась на локтях и увидела огромные пространства вокруг себя. Позади тревожно шумел лес, впереди волновалось бескрайнее травяное море. Я встала на кромке леса и травы, надо мной была тень, но впереди всё было залито солнцем.

– Не ходи, – предостерегающе и грозно сказал мне дуб.

Но я уже сделала шаг вперед, и в глаза ударил яркий и ослепляющий солнечный свет. Кто-то цепкими пальцами тормозил меня за плечо, в глаза светила нестерпимо яркая лампа.

– Давай же, вставай! – нетерпеливо будил меня чужой голос, похоже, он принадлежал старику, – Деточка, ты не можешь тут лежать целую вечность.

Я повернула голову и увидела сухощавого седовласого старичка в очках с массивной квадратной черной оправой. Несмотря на возраст, голубые глаза его светились умом и жизнью. Одет он был в фиолетовый комбинезон с литерой М на шевроне. Это была униформа Правления.

– Меня зовут Карл, – с дружелюбной улыбкой представился он и помог мне подняться с кушетки. Зубы у него были желтые и наполовину сточенные, видно, ему было уже больше восьмидесяти лет.

– Здравствуйте, Карл, – ответила я, – куда вы меня ведёте?

– Ты идёшь в свою комнату, – объяснил он, – знаю, тебе пришлось сегодня нелегко, ведь антисыворотка – довольно болезненная вещь. На время обучения у тебя будет всё необходимое: рабочее место, душ, свежее бельё и одежда, библиотека в твоём распоряжении, телевизор, конечно же.

– Обучение? Но я только что закончила школу. Чему вы собираетесь меня обучать? – я не могла понять, что происходит со мной и вокруг меня.

– Вики, ты уже должна была понять, что ты – индиго, – он остановился и по-отечески положил свои ладони мне на плечи.

– Да, я поняла это из рассказа медсестры, но она сказала, что индиго могут общаться между собой, как дельфины,

на ультразвуковых волнах. Но я не чувствую за собой никаких сверхспособностей!

– Вики, ты видела, что при диалоге с тобой я хоть раз открыл рот? – вопросительно посмотрел он на меня. Только сейчас я осознала, что он действительно говорил со мной с закрытым ртом. А что же я? Кажется, я тоже не размыкала губ. Я телепат? Но это же невероятно!

– Вы слышите всё, о чем я думаю? – мысленно обратилась я к нему.

– Нет, только то, что ты хочешь мне сказать. Не путай ультразвук с мыслями. Мысли – это лишь электричество в твоих нейронах, а ультразвук – это волны. Дальность их действия такая же, как у обычных звуковых волн. Наш диапазон воспринимаемых волн чуть шире, чем у обычных людей. Ты правильно сравнила: как у дельфинов. Кстати, мы можем их понимать.

– Кого, людей? – не поняла я.

– Да нет же, дельфинов! – Карл засмеялся вслух.

– Вот это да! – восхитилась я.

– Девочка моя, – вновь обратился он ко мне с невозмутимым лицом, – ты еще убедишься, в какой дивный новый мир ты попала. Приняв наши условия, ты сможешь наслаждаться им изо дня в день. Ты сможешь вложить весь свой интеллект в развитие и процветание нашего города.

– Какие это будут условия? – настороженно обратилась я к нему.

Всё это время мы шли по пустому коридору больницы. От стен отражалось эхо наших шагов, а от гладкой кафельной плитки на полу – свет ламп на потолке. Мы остановились у лифта, и Карл нажал кнопку. Послышалось мерное гудение механизма.

– Ты очень скоро обо всём узнаешь, – ответил он. – А сейчас тебе надо отдохнуть. Поднимешься на пятнадцатый этаж, твоя комната под номером 9. Мы с тобой увидимся завтра. Я вошла в кабину лифта и ввела цифру 15. Лифт мягко пошел вверх. Я посмотрела в зеркало. Из него на меня смотрела изможденная взлохмаченная девушка. Лицо осунулось, отекло, а под глазами появились синяки. На руках, на месте ремней, красовались фиолетовые гематомы. Я выглядела так, будто меня несколько месяцев держали в тюрьме и пытали.

– Так вот ты какая, взрослая жизнь! – горько усмехнулась я.

На пятнадцатом этаже я быстро нашла свою комнату с номером 15/9 и, приложив палец к детектору, прошла внутрь. Как только я оказалась внутри, сработал, похоже, инфракрасный датчик, и в комнате зажегся свет. Я охнула от неожиданности и восхищения. По сравнению со спартанской обстановкой родительского дома здесь были просто роскошные апартаменты!

Если у нас на стенах была лишь побелка, то здесь стены были отделаны невероятно красивыми обоями с шелкови-

стым цветочным рисунком. Потолок здесь был не оштука-турен, а имел глянцевую поверхность со встроенными светильниками, мебель отличалась простым дизайном, но изготовлена была из очень качественного материала, похожего на древесину. Я провела рукой по столу и удобному креслу, стоящему рядом. Невероятно, это и есть дерево! Древесина стола имела красноватый оттенок и идеально гладкую шлифованную поверхность.

Затем я подошла к пищепроводу и по привычке приложила палец. В отличие от домашнего пищепровода, еда не появилась в окошке, а вместо этого на экране появился длинный список из названий блюд и напитков. Кролик в томатном соусе, цыпленок табака, перепелиная яичница, куриные сердечки с овощным рагу, фуа-гра и многие другие названия предстали передо мной, как загадочный талмуд. После некоторых раздумий я всё же решилась и выбрала овсяную кашу с маслом, и молочно-клубничный коктейль. «Заказ будет готов через 15 минут» – высветилось на экране, после чего сразу пошел обратный отсчет.

В ожидании ужина я присела на краешек дивана. Он был приятно мягким и сразу принял очертания моего тела. Я не удержалась и со вздохом наслаждения откинулась на него полностью. Каждая клеточка моего организма почувствовала долгожданное расслабление, и меня стало клонить в сон. Но больше, чем спать, мне хотелось только есть, поэтому, как только послышался сигнал пищепровода, я вскочила и по-

шла к нему. Там уже стоял красиво сервированный поднос, и мои обонятельные рецепторы буквально взорвались от аромата пищи. Я прошла с подносом на кухню и принялась за трапезу. У меня не было слов, как сильно эта еда отличалась от привычной мне пищи. Неоднородная консистенция каши поначалу смутила меня, но вкус настоящего зернового ячменя и живого сливочного масла просто пленил меня. Вкусовые сосочки языка блаженствовали, я закрыла глаза и замычала от удовольствия. Я бы ела такую кашу три раза в день, настолько она оказалась вкусной! А в списке было так много разных блюд, и я не знала, какое попробовать следующим. Коктейль тоже оказался великолепным. С чувством полного насыщения я встала из-за стола, поставила посуду обратно в пищевод и отправилась в ванную комнату.

Здесь я нашла множество флаконов и баночек с уходовыми средствами, и аптечку. Покопавшись в ней, я отыскала мазь от синяков и намазала ею свои гематомы. Боль моментально утихла. Почистив зубы, я вернулась в комнату, упала на диван и отключилась. Проснувшись рано утром, я подумала первым делом о Максе. Я была уверена в том, что он тоже индиго. Это объясняло многое. В частности то, что мы всегда с полуслова понимали друг друга. У меня даже возникла теория, что люди с примерно одинаковым IQ лучше понимают друг друга, чем индивиды с разным уровнем интеллектуального развития. Весьма странно, что в школе у нас не было тестирования умственных способностей. Ско-

рее всего, чтобы не проявилась существенная разница между учениками. Будет здорово, если мы вместе с Максом будем проходить обучение. Мы сможем общаться, дружить и может в дальнейшем даже... Но сначала нужно выяснить у Карла, как Макс прошел тестирование и адаптацию. За вчерашний день я пережила больше эмоций, чем за все 18 лет моей жизни, и сегодня после отдыха, я наконец-то начала осознавать происходящее.

Итак, во-первых, я индиго – результат эволюции людей. Во-вторых, я могу общаться с другими индиго при помощи ультразвука. В-третьих, меня не выгнали за Предел, а поместили в уютное и высокотехнологичное жильё. Меня будут обучать в Правлении, чтобы я стала такой же и смогла заботиться о Нордполисе. Но при этом, мне еще не озвучили условия. В конце концов, думалось мне, они должны быть выполнимы. Я сладко потянулась, откинула одеяло и прошла в душ, не переставая восхищаться красотой своего нового жилья. В душе я выбрала мыло с любимым запахом клубники и погрузилась в воздушное облако нежнейшей пены. Дома у нас было лишь обычное хозяйственное мыло. Обсушившись мягким пушистым полотенцем, я обнаружила, что кожа после душа продолжает благоухать клубникой и притом остается невероятно шелковистой на ощупь. Восторгу моему не было предела, казалось, что большего и желать нельзя. А на завтрак я выбрала натуральный кофе со сливками и пудинг. На вешалке в гардеробе висел фиолетовый комбинезон

без каких-либо шевронов. На полках – стопки шелкового белья. Я оделась, вытащила из кармана желтого комбинезона радиомаячок и приколола его к новой форме. Старая форма полетела в корзину для белья. Я взглянула на себя в зеркало: отдохнувшая, свежая и румяная, совсем не вчерашний кошмар в лифте. Довольная, я пригладила волосы, и в этот момент раздался голос из динамика, который, как оказалось, был встроен прямо над дверью:

– Виктория, пройдите в кабинет 16/7. Вас ждет Карл.

Я не стала ждать лифт, а прошла пешком по лестнице на один этаж вверх. Седьмой кабинет был рядом, и я вошла внутрь. Карл сидел за массивным столом, на котором лежала самая настоящая, бумажная, толстая книга. Он долго водил пальцем по строчкам, не замечая посетителя. Потом облизнул палец языком (от этого мне почему-то стало не по себе), перевернул страницу и, наконец-то, взглянул на меня. Карл аккуратно закрыл книгу и отложил в сторону. Не удержавшись, я прочитала название – «Общая теория управления».

– Присаживайся, – обратился он ко мне взглядом.

Я села на удобное кресло напротив него.

– Ты отдохнула? – заботливо осведомился он.

– Да, вполне, – ответила я.

– Как тебе твоя комната? – поинтересовался он.

– Это просто... великолепно! – у меня не хватало слов, чтобы описать, насколько я впечатлена ею.

– Я смотрю, ты вполне успешно справляешься с новым способом коммуникации, – похвалил меня Карл.

– Это не трудно, – я была польщена комплиментом и не смогла сдержать улыбки, – вот только мне одно интересно: на какую дистанцию действуют ультразвуковые волны при общении?

– Почти так же, как обычная речь, разве что чуть подальше, – загадочно улыбнулся Карл.

– Ну хорошо... Каждая новая мутация у живых существ несет в себе какой-то смысл, – я озвучила пришедшую мне в голову мысль (точнее, я сделала это с помощью ультразвука), – так какую же роль играет эта мутация?

– Таковую же, как и любая другая, – выживание. Человечество должно сохраниться как вид на этой планете. Возможно, люди без неопсихогена уже изжили себя, и скоро они сгинут с лица Земли, как когда-то исчезли динозавры и мамонты, – Карл развел руками.

– Это звучит грустно, – вздохнула я, вспомнив о родителях.

– Нет, несколько. «Всё течёт, всё изменяется», – сказал великий философ. Я пригласил тебя сюда, – перешел он к делу, – чтобы рассказать обо всех возможных перспективах и предъявляемых условиях. В первую очередь, я хочу прояснить тебе ситуацию. Ты одна из немногих индиго, кто прошел тест на психологическую устойчивость. Ты набрала высокие баллы по нейроустойчивости, уровню патриотизма

и субординации. От силы пара человек в год справляется с подобным заданием. У тебя высокий интеллект, около 200, прекрасная память, и потому тебе прямая дорога в Правление. У тебя есть возможность вести Нордполис к процветанию и обеспечивать его безопасность. Твоё обучение будет длиться три года, соответственно существует три ступени обучения. До конца своих дней ты будешь обеспечена лучшими условиями жизни в Нордполисе. Это один шанс на миллион.

– Конечно, я согласна! – я ответила ему, не раздумывая.

– У нас есть условия, – прервал он меня. – Это очень серьезные условия, за нарушение которых следует высшая мера наказания – смерть.

– Но в Нордполисе нет смертной казни! – я вскочила с места.

– В Нордполисе нет и правонарушений, – парировал он, – на Правлении лежит огромная ответственность, и мы не можем рисковать.

– Но в чем заключается риск? Я не могу понять, – я и правда ничего не понимала.

– Мир не так идеален, как многие думают. Да, нам удалось добиться мира и процветания, идеального общества в нашем городе, но он – не единственный на Земле. Ты и сама должна была догадаться об этом. Кроме того, наша планета регенерирует после катастрофы, озоновый слой восстанавливается, а на полюсах заново образуются полярные ледовые шапки.

Уровень океана снижается. Еще немного – и откроются залежи полезных ископаемых. Это станет новым яблоком раздора на нашей планете. Каждый захочет заполучить свой кусок пирога. Со 100% вероятностью – будет война. И наша задача – получить столько ресурсов, сколько нужно, чтобы нас не завоевали и не поработили.

– Но откуда у вас столько информации? С чего вы решили, что кто-то хочет нас поработить? – голова была переполнена вопросами.

– У нас есть свои люди во многих городах и поселениях, и не везде общество столь совершенно, как наше. В одних местах процветает капитализм, в других до сих пор преобладает первобытно-общинный строй. Эти системы устройства экономики и общества предполагают потребление и завоевание. Либо нам придется подчиниться, либо показать, что есть другая система мироустройства, как ты считаешь? – он пристально взглянул на меня.

Я только кивнула.

– Сейчас Земля представляет собой разбросанные по поверхности океана лоскутки суши, – продолжил он, – нам же предстоит сшить из них одеяло. Вот почему нам сейчас нужны умные и верные люди. У нас еще есть время подготовиться к переменам.

– Почему вы не говорите об этом гражданам Нордполиса? – я испытывала противоречивые чувства. С одной стороны всё во мне клокотало от того, что нас держали в неве-

дении столько лет. С другой стороны, я была взбудоражена надвигающейся опасностью и потрясена новостью о возвращении суши. Одно дело догадываться, а другое – воспринимать информацию «из первых уст».

– Всё довольно просто: нам не нужна паника, – Карл был явно готов к этому вопросу.

– Неужели быть войне? Мирным путём, переговорами, соглашениями – никак? В конце концов, мы жители одной планеты, – пылко обратилась я к нему.

– Виктория, мы только ЗА. Но вероятность успешных переговоров стремится к нулю, наши люди не могут добиться даже аудиенции в отдельных регионах, в некоторых из них люди деградировали до примитивного состояния и поклоняются деревянным идолам. Я понимаю, Виктория, тебе сложно это принять сейчас, но со временем ты все поймешь.

– Хорошо... – я немного помолчала, – Только вы, Карл, будете нас с Максом учить, или будут и другие учителя? – подняла я брови в вопросе.

– Учителей у тебя будет несколько, а Макс не будет учиться с тобой, – ответил он.

– Как это, не будет? Просто я подумала... Макс, он ведь тоже индиго.

– Мы возлагали на него большие надежды, – спокойно ответил Карл, – но, к сожалению, он не прошел психологический тест.

– И где он сейчас? – взволнованно обратилась я к нему.

– К сожалению, правила предписывали ему покинуть город, и он ушел за Предел, – объяснил Карл.

– Это просто... ужасно! Как он там выживет? – я находилась в состоянии шока.

– Он умный парень, найдет способ, – я услышала усмешку в его интонациях, – и, кстати, наверное, тебе пора узнать основные условия обучения. Первое – тебе запрещено видеться с семьёй. Никто не должен знать о том, что ты обучаешься в Правлении, и о том, что ты индиго. Второе – Управленцам запрещено создавать свою семью. Мы не должны привязываться к людям и обстоятельствам. И, в-третьих, перед началом обучения ты должна присягнуть на верность Нордполису. У тебя еще остались какие-либо вопросы?

Я никак не могла переварить его слова. Мне казалось, что вокруг происходит что-то неправильное, но моя врожденная осторожность, а может быть, интуиция, заставила меня промолчать.

– Я хотела бы подумать над вашим предложением, – мысленно обратилась я к нему.

– Да, конечно, – думай. Но недолго. До завтрашнего утра ты должна принять решение. Вот тебе текст Присяги, ознакомься. А теперь ты свободна. Ты можешь перемещаться по своему пятнадцатому этажу, и учебному шестнадцатому. В процессе обучения ты получишь доступ и к некоторым другим этажам. В кабинете 16/16 ты найдешь библиотеку, рекомендую заглянуть туда, – Карл с улыбкой подмиг-

нул мне.

Я вышла из кабинета и после того, как дверь закрылась, сползла по стене и в отчаянии погрузила пальцы в волосы. Мне предстоял нелёгкий выбор.

Глава 5. Решение

Довольно быстро я взяла себя в руки, встала и пошла в сторону лестницы, но, дойдя до нее, развернулась и направилась в противоположный конец коридора. В библиотеку. Не просто так мне стало любопытно, что за библиотека находится в этом здании, какие здесь носители и как часто сюда можно приходить. Я хотела найти хоть какую-то информацию о действительном устройстве мира, расположении суши, обитающих на них народах. Мне хотелось прочитать подробности о причинах повышения уровня океана, хоть мы и проходили это в школе в общих чертах. Кроме того, у меня на изнаночной стороне комбинезона был прикреплен радиомаячок, по которому меня когда-то обещал найти Макс. Господи, да это же было всего два дня назад! Мне же казалось, что минула вечность с того нашего последнего разговора. Каково ему сейчас за Пределом? Где он спит? Что он ест? В то время, как я наслаждаюсь натуральной пищей, он, возможно, питается объедками на свалке или выкапывает корешки в лесу. Внезапно мне стало стыдно перед Максом, мамой, папой и сотнями тысяч проживающих в Нордполисе граждан, которые питались безвкусной баландой. Это было... несправедливо. Я ужаснулась этой мысли, ведь она шла вразрез с моими представлениями об обществе, в котором я родилась и выросла. Впервые в жизни я столкнулась

с несправедливостью, и пусть она не ущемляла лично моих интересов, мне стало не по себе. Чтобы связаться с Максом, я хотела найти в библиотеке учебник или руководство по радиотехнике. Теоретически, если он мог найти меня по сигналу маячка, то и я каким-нибудь образом могла определить его координаты. Возможно, мне пришлось бы модифицировать маячок или воспользоваться дополнительным оборудованием. Я должна была что-то придумать.

Я подошла к двери с номером 16/16. То, что я увидела внутри, просто лишило меня дара речи. Это был огромный квадратный зал, занимающий два этажа здания и разделенный десятками стеллажей. Стеллажи также стояли вдоль стен под самый потолок. Все полки были плотно забиты настоящими бумажными книгами. Они были большими и маленькими, тонкими и толстыми, черными и белыми, красными и зелеными, с картинками и без. Бумажные книги в Норд-полисе были невероятной редкостью. В школе мы читали и обучались с лэптопов, где была исключительно научная и публицистическая литература по предметам. Отсутствие бумажных книг объяснялось ещё и тем, что мы берегли деревья. Катастрофа научила нас этому. Я бы, наверное, так и стояла с открытым ртом, если бы не услышала, как меня окликнула библиотекарь.

– Проходите сюда, девушка, – вслух пригласила она меня.

Я подошла к стойке, за которой она стояла. Это была среднего роста женщина с короткими выющимися каштановы-

ми волосами. Она выглядела радушной и много улыбалась. За спиной у неё был шкаф с множеством выдвижных ящичков с буквами.

– Вы, кажется, Виктория? Меня зовут Глория. Карл предупредил меня, что вы зайдёте, – затараторила она, – я уже и формуляр на вас завела. Сразу после того, как вы примите Присягу, вы сможете пользоваться всеми этими книгами и даже брать их на некоторое время в свою комнату.

– То есть сейчас я не могу их читать? – тоже вслух разочарованно спросила я.

– Я понимаю ваше огорчение, но, к сожалению, нет. Таковы правила. Но вы можете походить между стеллажами и посмотреть, это не запрещено, – вновь улыбнувшись, произнесла Глория.

– А почему вы не пользуетесь ультразвуковой речью? – мысленно обратилась я к ней.

Женщина молчала и только с улыбкой вглядывалась в мое лицо.

«Она не индиго!», – догадалась я, – «Интересно, знает она, на кого работает или нет?»

Она, похоже, поняла моё молчание, и сказала:

– Я обычный человек, и не воспринимаю ультразвук.

– Но со слов Карла, обычные люди не знают об индиго, – я была удивлена.

– Люди из города не знают. Мы же: библиотекари, повара, уборщики, медики, прачки, – в курсе, и мы все приносили

Присягу. И мы довольны своим положением, ведь служить Правлению – это служить Нордполису, – словно со стеклянными глазами сказала она.

У меня возникло ощущение неестественности происходящего.

– Хорошо, пройду по библиотеке, – сказала я ей.

Мне нельзя было дотрагиваться до книг, и я просто шла, разглядывая корешки, читая названия и авторов. Я нашла несколько стеллажей с предапокалиптической литературой. Здесь были такие авторы как У. Шекспир, Л.Н.Толстой, Ф.М.Достоевский, В. Набоков, Г. Миллер и многие-многие другие. Потом я прошла дальше и увидела стеллажи с книгами по медицине, по психологии и социологии, точным наукам. У последнего стеллажа я немного задержалась и спустя пару минут нашла взглядом учебник по радиотехнике. Запомнить номер стеллажа и полки не составило труда.

Затем я нашла отсек с книгами по географии. Рядом с ним на полу валялся небольшой атлас современного мира. Я подумала, что надо бы поставить его на полку, нагнулась и взяла его в руку. Не удержавшись, я понюхала брошюру, она пахла по-особенному, видимо, это и был запах бумаги, смешанный с запахом типографских красок. Таких новых книг в библиотеке было мало, в основном, на полках стояли старые, чудом спасённые от большой воды. Я хотела поставить атлас на полку, но кинув взгляд на потолок и не обнаружив там камер, аккуратно сунула его за пазуху.

Затем я прошлась по рядам и отметила для себя, какие книги хотела бы прочесть. Если бы я написала список на бумаге, то у меня бы получился целый свиток. Я ходила и вдыхала новые для себя запахи, удивлялась красоте переплета старинных книг, каждая из которых была отдельной вселенной. Это были мысли величайших людей, прошедшие через века.

После часового пребывания в царстве книг я попрощалась с Глорией и отправилась к себе в комнату. Я думала, что библиотека – это настоящая сокровищница, и здесь можно найти информацию на все случаи жизни: прочитать историю преапокалиптического мира, познакомиться с творчеством величайших людей, узнать биографии великих полководцев и государственных деятелей, и этот опыт можно использовать в последующем управлении Нордполисом. Я действительно могла стать хорошим руководителем и сделать жизнь людей лучше. За стеной много земли, там можно сажать разнообразные растения, выращивать животных и кормить целый город вкусной и здоровой натуральной пищей.

В таких раздумьях я дошла до своей комнаты, там достала атлас и положила его на стол. Меня уже не радовали прекрасный интерьер комнаты, вкусная пища и благоухающие тюбики в ванной. Я совершенно не хотела есть и только лишь листала тоненький атлас, пока не изучила его от корки до корки.

На первом развороте находились две сравнительные кар-

ты: от 2010 года и от 2240 года. За 230 лет большую часть суши покрыло водой, кроме того, существенно сместились полюса планеты. Северный сейчас находился в районе бывшей Японии, а Южный – в районе Аргентинского котлована Атлантического океана на 40 градуса южной широты. Действительно, Нордполис был самым крупным участком суши, расположенным ближе всего к Северному полюсу. Были и другие крупные участки бывших высокогорий, гряды островов, где обитали люди. Там, где были Кордильеры, сейчас находился протяженный участок суши, отмеченный как Вестполис, а на месте Андов – Технополис. На месте Эфиопского нагорья в Африке находился Афровилль. Рядом с нашим городом я обнаружила небольшой островок с надписью Армовилль. Были и другие небольшие острова – Альпон, Кавказон, Маокон и совсем мелкие точки, называемые пиками. Пик Тибести, Пик Олимп, Пик Монблан и другие.

На следующем развороте была карта полезных ископаемых: нефть, газ, уголь, руда, сланцы, драгоценные металлы и камни. Большая часть залежей была сосредоточена на месте бывшей Евразии, то есть ближе всего к Нордполису. Еще на следующем развороте была карта под названием «Траектории отступления океана по годам согласно прогнозам Карла Мировица.» Так вот, согласно ей океан отступал быстрыми темпами. Примерно через десять—пятнадцать лет Земля могла принять свои прежние очертания. Это было невероятно. Здесь же находилась небольшая вставка с фотогра-

фией уже известного мне старичка всё в тех же квадратных очках. Под фото была справка: «Карл Мировиц – политик, учёный—прогнозист, первый разработавший неостратегию равного и справедливого общества в постапокалиптическом мире. Более 10 лет провел в сборе информации о трех крупнейших участках суши – Вестполисе, Неополесе и Афровилле. Изучил культуры других народов. Награжден Орденом Нордполиса за вклад в развитие и процветание города и общества.»

Я и не думала, что общаюсь с таким известным человеком! Внезапно мне захотелось, во что бы то ни стало продолжить обучение у Карла, он мог рассказать мне столько всего! Передо мной, обычной девчонкой (пусть даже и индиго), раскинулся огромный необъятный мир, к которому я могла прикоснуться. Я, за восемнадцать лет своей жизни знавшая только дом, школу и Игру по выходным, могла увидеть моря и океаны, острова и пики, и, возможно, даже поучаствовать в новейшей истории Земли. Война пугала меня, и мне казалось, что должен быть выход, другое решение, благодаря которому можно избежать жертв. Если бы я прошла полный курс обучения, я бы сосредоточила весь свой потенциал на этой задаче. Да, именно. Я застучала пальцами по столу. Это была серьёзная причина, чтобы остаться. С другой стороны, даже если Карл Мировиц утверждает, что мирным путем не обойтись, то что могу сделать я, наивная, ничего не понимающая в жизни девчонка с рыжей гривой? Пока ни-

чего. У меня нет ни знаний, ни понимания, ни власти. Но всё может измениться.

Я склонялась к тому, чтобы остаться. Кроме того, я жутко боялась оказаться за Пределом. Это был страх всей моей жизни. Я не увидела свалок за стеной, но это не значило, что их нет. Я не представляла, как там можно выжить без питания, квартиры, друзей. За 18 лет я так привыкла к стабильности, что когда я думала о неопределенном будущем, у меня живот крутило от волнения. Я встала и прошлась по комнате. Несмотря на роскошь убранства, что-то здесь было не так. Я прошагала от стены к стене, обошла комнаты, и вдруг меня осенило, что здесь не было ни одного окна. Это открытие навело меня на новые раздумья. Почему тут нет окон? Они боятся, что я решу полетать с высоты пятнадцатого этажа или что? Я почувствовала себя пленницей. Интересно, а хоть где-нибудь на этаже есть окна? Я вышла из комнаты и увидела, что коридор заканчивается тупиком. Окна там не было. Я попыталась вспомнить, как выглядит это здание снаружи. Однозначно, окна в нем были, только не везде, а через этаж. Я находилась как раз на безоконном этаже.

Поднявшись на 16-ый этаж, я обнаружила окно в конце коридора и с радостью, почти бегом направилась к нему. Прильнув к стеклу, я увидела Нордполис таким, каким никогда не видела. Это было захватывающее зрелище. Дома выглядели игрушечными, по ближним улицам сновали жители, дальние были скрыты зеленою деревьев. Вдали виднелась се-

рая стена, а за ней – зелень леса и полей. Где-то послышался ход трамвая. «Возможно, им сейчас управляет папа», – подумалось мне. Глаза заволокло пеленой слез, к горлу подкатил ком, и стало трудно дышать.

– Привет, Вики! – услышала я радостную интонацию в голове и развернулась. На шею с объятиями мне бросилась Нинель.

– Как? Ты тоже индиго? – округлила я глаза. Я совсем не ожидала увидеть её здесь!

– Да, – она заулыбалась, – я всегда чувствовала в себе что-то необычное. Так здорово, мы будем проходить обучение вместе!

– Ты уже согласилась? – я заглянула в её голубые глаза.

– Конечно, а чего тут думать? Мы можем быть полезны Нордполису, – было видно, что она очень довольна своим положением. Время от времени Нинель поглядывала в отражение окна и разглаживала несуществующие складки на своем фиолетовом комбинезоне.

– Нинель, безусловно, не каждый попадает в ряды Правления, и, наверное, нам стоит гордиться, но... мне кажется несправедливым то, что мы пытаемся лучше остальных, – поделилась я с ней своими переживаниями, – и вообще здесь уровень благосостояния намного выше, чем у обычных горожан.

– Вики, я тебя понимаю, я и сама так думаю. Но с другой стороны, роль Управленцев важнее, чем у обычных людей.

Это ради всеобщего блага, – она была уверена в своих словах.

– Может быть, ты и права, – задумалась я.

– Конечно, даже не сомневайся! Сейчас у нас мало ресурсов и земли, и настоящую пищу могут получать только Управленцы. Но скоро океан отступит, и мы сможем обеспечить всех вкусной едой и другими благами. Главное – выиграть войну! У нас высокий уровень развития, и мы закончим эту войну быстро и почти без жертв. Так сказал мне Карл. И главное, мы можем распространить идеи о равноправии и мирной жизни по всей земле. Ради этого стоит учиться!

Глаза её горели, и мне показалось, что эта маленькая девчушка сможет одним взглядом разнести в клочья сотни вражеских армий. Потом мы ещё немного постояли, поговорили о семьях, одноклассниках и своих впечатлениях о новой жизни и способностях. Мы чувствовали примерно одно и то же. Оказывается, Нинель жила через дверь от меня. Наш этаж был населен студентами, а этажом выше жили и преподавали учителя. Что находилось на верхних и нижних этажах здания, ни я, ни Нинель не знали. Скорее всего, ниже жил обслуживающий персонал. В здании должна была быть кухня, прачечная, лаборатория. Со временем я могла бы узнать обо всём этом больше. После того, как я вернулась в комнату, на глаза мне попался лежавший на столе листочек со словами Присяги. Я и так уже знала её наизусть, но всё же прочла ещё раз.

«Текст Присяги Нордполису.

Клянусь жить во благо и процветание Нордполиса, и соблюдать интересы гражданского общества. Клянусь защищать его от провокаций и диверсий. Клянусь всеми силами способствовать сохранению мирной и равноправной жизни населения. Клянусь соблюдать в тайне существование людей индиго. Клянусь прервать все связи с прошлым миром: родителями, друзьями и знакомыми. Клянусь не обзаводиться семьёй и детьми, и отдать жизнь своему предназначению. Принимаю уклад и законы Правления и понимаю, что в случае нарушения сей клятвы поплачусь собственной жизнью.»

Когда от человека требуется принять важное решение, он становится сам не свой. Если бы дело касалось кого-то другого, он с легкостью бы нашел ответ и дал совет. Но когда дело касается его самого, он полностью лишается способности трезво и объективно оценивать ситуацию. Он почти не думает о преимуществах альтернатив, но тщательно оценивает возможные риски и потери в каждом из случаев. Именно поэтому люди так любят стабильность и не любят риск, они просто живут согласно удостоенной Нобелевской премии Теории Перспектив.

Я стояла в огромной зале за трибуной и произносила вслух слова Присяги. Зал был полон незнакомыми людьми, но я отыскала взглядом Карла, который находился в первом ряду, Нинель и даже библиотекаря Глорию, которая неизменно улыбалась. Узнала я и медицинского работника, ко-

торая вводила мне антисыворотку. Карл говорил мне, что её зовут Хелена Менделе, и что она является величайшим специалистом по медицине современности. Когда я произнесла последние слова, весь зал аплодировал стоя. Под нестижаемые овации ко мне подошёл Карл Мировиц и приклеил на плечо моего фиолетового комбинезона шеврон с литерой М.

– Поздравляю тебя, Виктория. Будь достойна этого шеврона, его получают лишь избранные, – обратился он ко мне с улыбкой.

Я улыбнулась ему в ответ и ответила:

– Спасибо, я буду.

В этот момент меня охватила приятная дрожь от ощущения того, что я обрела Власть.

Глава 6. За Пределом

Ворота позади Макса захлопнулись, и он остался наедине с собой и шумящими вокруг деревьями. В голове и на душе было пусто. Да, он готовился к этому моменту и заранее изучил всю информацию о флоре и фауне окрестностей Нордполиса. Данных было маловато, но он был уверен, что не умрет от голода и холода. В кармане лежала подготовленная коробка спичек, складной нож и радиоприёмник, подаренный Вики. Желтый комбинезон был сшит из тонкого летнего материала, и ночью в нем будет прохладно. До наступления темноты ему нужно было соорудить убежище, найти пищу и развести костёр. Но Макс не двигался с места. Он ждал...

Как объяснил ему медицинский работник, у него были выявлены генетические мутации, и он не прошёл тест на профпригодность. «В связи с этим вы должны покинуть Нордполис. Немедленно.» Медработник вынул из кармана рацию, нажал на кнопку и сообщил кому-то номер кабинета.

Через минуту вошли двое мужчин в оранжевых комбинезонах. «Следуйте за нами», – сказал один из них. Макс спокойно шёл за ними. Сначала они покинули здание, потом с помощью метрополитена добрались до периферии и некоторое время шли пешком по узкой тропе. Слева и справа стеной стоял кустарник с усыпанными шипами ветками, как

будто живая колючая проволока, закрывавшая пути бегства. Один сопровождающий шёл спереди, другой сзади. Макс оглянулся и пристально оглядел сотрудника правопорядка. Тот держался весьма напряженно, а встретив прямой взгляд парня, заметно дернулся и сунул руку в карман комбинезона, в котором, судя по очертаниям, лежал пистолет. «Вряд ли это игровой световой пистолет», – мелькнуло в голове Макса. Он отвернулся и зашагал, как будто ничего не заметил.

Спустя пять минут они стояли у небольших, но мощных кованых ворот размером примерно два на два метра, а первый охранник уже проворачивал ключ в тяжёлом навесном замке. Резанув слух, раздался лязг открывающихся воротин, и Макс шагнул в новую жизнь. Свободную жизнь.

Сейчас он стоял, прислонившись к холодному камню огромной стены. «Нордполис замкнут», – любили повторять жители города в надежде случайно встретиться друг с другом на ограниченном пространстве города. Но сейчас Макс смотрел перед собой и видел безграничные просторы впереди. Ласково шумел лес, в глубине его журчала речка, между деревьями свистели, чирикали, заливались трелями птицы. В другой стороне голубыми волнами трепетало море хлопка. Вид был невероятно красив, но сейчас Макса волновало не это. По ощущениям прошел примерно час. Вики не было. Он мог заручиться, что она такая же, как и он. Он пока не знал какая, и что именно с ними не так, но он чувствовал это, как животные одного вида чувствуют свою идентич-

ность. Но её не было.

Близились сумерки, а ему ещё нужно было соорудить ночлег. Макс решил сделать это почти на кромке леса, чтобы оттуда открывался вид на ворота. Кроме того, у него был радиоприемник, настроенный на частоту маячка. Когда Вики появится за воротами, Макс её непременно обнаружит. А пока он пошёл вглубь леса в поисках пропитания. Почти сразу он обнаружил сныть, а на дереве нашёл птичье гнездо, где лежало три небольших яйца. Макс потряс каждое из них, они были свежими. Недалеко он обнаружил заросли малины и кусты вишни, и ел ягоды, пока язык не защипало. В отличие от Виктории Макс и раньше пробовал природные дары. Во время Игр. Вкус ягод был ему знаком, а вот яйца он раньше никогда не ел. Проковыряв веточкой дырку в яйце, он сделал неловкий глоток, и его обуяло невероятное желание сунуть два пальца в рот и освободить желудок. Но ему надо было поесть, поэтому он через силу сделал ещё один глоток. После третьего глотка Макс решил, что сырые яйца на вкус вполне терпимы и допил их все. Затем Макс выбрал небольшую поляну, соорудил посередине костер из сухих найденных неподалёку ветвей и щепок, и набрал запас дров на всю ночь.

С началом сумерок надежда увидеть Вики стала угасать. С чего он решил, что её выведут за стену в этом же самом месте? Скорее всего, она сейчас находится с другой стороны города, сидит под деревом, обхвативши себя руками, и тря-

сётся, как осиновый лист. Искать её в темноте бессмысленно, возможно, их сейчас разделяет сотня километров. «Вот почему радиоприемник не улавливает сигнал её маячка, она вне зоны досягаемости!» – осенило Макса. Он решил переночевать на этом месте, а с утра найти высокое дерево и осмотреть с него окрестности.

Ночью было невероятно холодно, спасал костер. Макс не спал почти всю ночь, подкидывал сухие ветки в огонь и безуспешно вглядывался в темень ночи. Когда первые лучи солнца осветили лес и Предел, Макс пошел на разведку. Он прочесал окрестности в радиусе пяти или шести километров, и потратил уйму времени, чтобы забраться на почти голую сосну. Эта сосна возвышалась над всеми остальными деревьями, и когда Макс всё-таки добрался до верхних ветвей, где смог расположиться сидя, его взору предстал огромный участок суши. Он видел Нордполис, который только пробуждался от ночной дрёмы, большие поля и участки леса. Но вокруг него не было ни души. Он мог поклясться, что ночью из городских ворот никто не выходил, иначе бы он точно услышал их скрип. Разочарованный, он неуклюже спустился на землю, порвав рукав и штанину. Что ему оставалось делать? Искать себе подобных изгоев? Возможно. В раздумьях он провел целый день. Отвлекаться от тяжелых мыслей ему помогали заботы о выживании. Он собрал большую кучу сухих ветвей и листьев на ночь, проверил гнезда, найденные поблизости, и малинник, расположенный в километре от его

временного лагеря. После того, как дела были сделаны, а чувство голода подавлено, Макс решил пройтись вдоль Предела. Он шел довольно долго, но кроме каменной стены не обнаружил ничего. Он надеялся найти какой-то дополнительный выход, где могла находиться Вики, но всё было тщетно. К своему месту Макс вернулся уже в темноте и тут же занялся разведением костра.

Прошлая бессонная ночь давала о себе знать, и молодой человек начал засыпать. То и дело он клевал носом и лишь усилием воли заставлял себя бодрствовать. Спустя некоторое время он почувствовал, что ночная прохлада, как змея, поползла по его ногам, пытаясь забраться на спину и руки, и Макс кинул в потухающий костёр несколько крупных веток. Языки пламени с радостью начали лизать сухую древесину, и вот уже через минуту пламя взвивалось на целый метр. Сучья потрескивали, и искры летели в темнеющую высь. Стало тепло и уютно, и веки паренька снова начали смыкаться. Красно-желтое пламя трепетало, как будто рыжие волосы на ветру. Огонь гудел ему: «Макс, Маакс, Маааакс... Макс... Очнииись... Вставаааай»

– Очнись! Вставай же! – парень почувствовал тычок твердым предметом в плечо. Сна как не бывало. Макс подскочил на месте.

– Кто вы? – спросил он, силясь разглядеть незнакомцев в темноте. Костёр почти потух, но Макс увидел двух мужчин крепкого телосложения. Одеты они были очень стран-

но. На одном были черные штаны и шерстяная коричневая куртка, на другом – темно-синие брюки и черный вязаный свитер с горлом. Мужчины переглянулись, словно решая какой-то вопрос, и тот, который был в свитере, сказал:

– Мы не сделаем тебе плохого. Меня зовут Алекс, а моего спутника – Рэкс.

Глаза после сна начали адаптироваться, и Макс стал улавливать черты их лиц. Они выглядели вполне дружелюбными, то есть спокойными и без признаков агрессии.

– Конечно, ты всю жизнь думал, что изгои умирают за границей Нордполиса на свалках, да? – засмеялся Алекс. – Спешу тебя ободрить, среди мусора и отходов жить тебе не придется. Пойдем, нас уже ждут, Макс.

– Откуда вы знаете моё имя? – Макс явно не ожидал от чужаков такой осведомленности.

– У нас есть свои люди в Нордполисе, – хмыкнул Рэкс.

– Допустим. Куда вы собрались меня вести? – с вызовом спросил Макс.

– Изгои, которые оказались за Пределом, не такие уж и не годные для продолжения рода особи. Мутация действительно есть, но это положительное изменение генома. Так вот мы основали свой город. Сейчас нет времени тебе всё объяснять, узнаешь на месте. Макс, ты будешь рад жить у нас. Идём! – настаивал Алекс.

– Алекс, я не могу... – Макс замялся, вспомнив о Вики, – я жду одного человека.

– Она не придет, – глядя ему в глаза, промолвил Алекс, – я знаю, ты ждёшь Викторию, вы с ней были дружны в школе. Она действительно имеет мутацию, как и ты, но она осталась в городе. Она продолжит обучение в стане Правления. Она жизни не представляет без Нордполиса, ты же сам это знаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.